

Снова любить

Автор:

[Бертрис Смолл](#)

Снова любить

Бертрис Смолл

Британия, 453 год. Квинт Друзас посылает наемников убить семью своего дяди, чтобы завладеть его землями. Его двоюродная сестра, юная Кейлин, случайно остается в живых. После долгих поисков она встретила и полюбила молодого красавца Вульфа. Он помог ей отомстить за смерть близких и открыл мир чувственных наслаждений. Но счастье их было недолгим. Кейлин пришлось столкнуться с людской подлостью, проехать полмира, прежде чем она вновь полюбила...

Бертрис Смолл

Снова любить

Роман

Пролог

Британия

44–406 годы

Кельтский воин из племени катувеллони лежал лицом вниз в грязи на дымящейся земле. Его обнаженное избитое, израненное тело было окрашено в синий цвет. Вокруг лежали тысячи мертвых и умирающих соплеменников, а римские легионеры, методически продвигаясь по полю битвы, добивали тех несчастных, которые все еще цеплялись за жизнь. Он услышал крики слетевшихся хищных птиц, и дрожь пробежала по его телу.

Неподалеку стояла группа римских военачальников, наблюдая за происходящим. Слегка повернув голову, он посмотрел на них сквозь приоткрытые веки и, к своему удивлению, узнал самого императора. Воин украдкой приблизил руку к своему дротику. Его пальцы потихоньку охватили древко, ощутив привычное удобство гладкого обожженного дерева. Он едва дышал – дыхание причиняло ему сильную боль.

С нечеловеческим усилием он приподнялся, затем с дьявольским криком, вложив в бросок все оставшиеся силы, метнул свое оружие прямо в римского императора. К глубокому разочарованию воина, высокий молодой трибун, стоящий в группе, среагировал гораздо быстрее, чем можно было предположить, и заслонил императора, приняв удар дротика на свой наколенник.

Катувеллонский воин не успел оценить храбрость юноши. Он был уже мертв; второй трибун отсек ему голову, также выскочив вперед на защиту императора. Окровавленная голова с длинными спутанными волосами покатилась по земле, остановившись у ног императора.

Клавдий посмотрел вниз и глубоко вздохнул. Он узнал одного из личных телохранителей предводителя племени катувеллони. Он заметил юношу, когда катувеллони прибыли на мирные переговоры, хотя при этом они коварно стянули свои силы, рассчитывая изгнать римлян из Британии. У молодого человека было крошечное, но очень заметное родимое пятно на левой скуле. Клавдий, как и другие его воины, был ранен. Он печально покачал головой: война отвратительное дело. Как много загублено молодых жизней, подобно этой. Юноши воевали и погибали, а такие, как он, старики планировали эти войны. Он отвернулся от отрубленной головы и посмотрел на трибуна, защитившего его от неминуемой смерти.

– Как он? – спросил император лекаря, который стоял на коленях перед распростертым на земле трибуном, пытаясь остановить кровь.

– Будет жить, – последовал суровый ответ, – но воевать больше не сможет, цезарь. Дротик, по Божьей милости, только пробил коленную кость и повредил сухожилия. Юноша останется хромым до конца своих дней.

Клавдий кивнул, затем спросил раненого:

– Как твое имя, трибун?

– Флавий Друзас, цезарь.

– Тогда нет ли между нами родственных связей? – воскликнул удивленно император; его собственное имя было Клавдий Друзас Неро.

– Отдаленные, цезарь.

– Кто твой отец?

– Тит Друзас, цезарь, и мой брат тоже Тит.

– Так, – промолвил император задумчиво. – Твой отец в сенате. Насколько я помню, он достойный человек.

– Да, цезарь.

– Ты трибун латиклавия четырнадцатой когорты, – отметил император, оглядев доспехи юноши. – Теперь, я полагаю, ты должен отправиться домой, Флавий Друзас.

– Да, цезарь, – последовал покорный ответ, но Клавдию послышалось нечто большее, чем разочарование, в голосе молодого человека.

– Ты не хочешь домой? – спросил он. – Разве у тебя нет юной возлюбленной или жены, с нетерпением ожидающей твоего возвращения? Как долго ты был в четырнадцатой когорте, Флавий Друзас?

– Почти три года, цезарь. Я надеялся сделать карьеру в армии. Я младший сын Тита Друзаса. У меня есть еще три брата. Самый старший последует, конечно, по стопам отца, а Гай и Луций – члены магистрата. Еще один член магистрата от семьи Друзаса – и нас обвинят в монополии, – закончил Флавий Друзас с легкой улыбкой. Затем вздрогнул от боли и побледнел: лекарь из его ноги извлек дротик.

Клавдий почти застонал, сочувствуя страданиям юноши. Хотя звание трибуна латиклавия ниже звания командира легиона, оно считалось почетным. В состав каждого легиона входили шесть трибунов, пять из них обычно были закаленными в боях ветеранами. Звание трибуна латиклавия, как правило, присваивалось юноше до двадцати лет из знатной семьи, которого посылали на два или три года в армию, чтобы воспитать, или скрыть юношеские грешки, или отвлечь от дурных товарищей. Обычно в конце срока трибун латиклавия возвращался домой на должность члена магистрата к богатой жене.

Император обратился к командиру легиона:

– Он хороший солдат, Алий Маджеста?

Командир легиона кивнул:

– Самый лучший, цезарь. Он пришел к нам, как и все они, зеленым молокососом, но в отличие от остальных, что побывали у меня за время службы, Флавий Друзас был настойчив в учебе. Он остался, в то время как другие мои трибуны уходили через год. Я планировал повысить его в звании. – Он посмотрел на побледневшего юношу. – Жаль, цезарь. Он хороший военачальник, но я не могу держать хромого трибуна.

Клавдий испытывал искушение спросить у Алиа Маджесты, какая должна быть у человека походка, чтобы принимать правильные военные решения, но воздержался. Его собственная хромота и заикание всю жизнь были причиной насмешек. Он считался ни на что не годным даже в своей собственной семье. Но когда его ужасного племянника Калигулу свергли и убили, армия обратилась к нему с призывом править Римом. Клавдий лучше, чем кто-либо, сознавал, с какой проблемой столкнулся Флавий Друзас. Предубеждение подобного рода трудно побороть.

– Ты получишь награду за спасение моей жизни, – сказал он твердо.

– Я только выполнил свой долг, цезарь! – запротестовал молодой трибун.

– И, выполняя его, поставил крест на своей военной карьере, – ответил император. – Что ждет тебя дома? У тебя ничего нет, поскольку ты младший сын. Спасая мою жизнь, ты, в сущности, погубил свою, Флавий Друзас. Я нарушу благородные традиции цезарей, если допущу такое. Я предлагаю тебе одно из двух. Подумай хорошенько, прежде чем выбрать. Вернись в Рим с почестями, если пожелаешь. Я дам тебе благородную жену и пенсию до конца твоих дней. Или останься здесь, в Британии. Я дам тебе земли в вечное пользование, дам денег, чтобы ты мог построить дом.

Флавий Друзас задумался. Вернувшись в Рим, он будет вынужден, с благородной женой или без нее, жить в отцовском доме, который однажды станет домом старшего брата. Его пенсии вряд ли хватит, чтобы купить собственный дом. Его жена сама может оказаться младшей дочерью без приданого. Как они обеспечат приданое дочерям или карьеру сыновьям? Если же он останется в Британии, у него будут собственные земли. Он никому не будет обязан. Он станет основателем новой ветви семьи и упорным трудом достигнет богатства.

– Я остаюсь в Британии, цезарь, – сказал он, чувствуя, что принял правильное решение.

– Вот так, – рассказывал своим детям Тит Друзас Кориниум летом 406 года, – наша семья прибыла на эту землю триста шестьдесят два года тому назад. Первый прибывший, Флавий Друзас, был еще жив, когда королева Бодисия восстала против Рима. Несмотря на то что в городе, где обосновался Кориниум, было спокойно, он решил для блага семьи породниться с кельтами, а не посылать за римскими женами. Так его сыновья нашли жен в племени добунни, а сыновья и дочери, которые появились вслед за ними, смешались в браке с кельтскими и римскими британцами, и так до наших дней.

– А теперь Рим оставляет Британию, – промолвила жена Тита Джулия.

– Приятное избавление, – отозвался Тит. – Рим кончился. Римляне, должно быть, при этом испытывают горькие чувства. Лучше мы, британцы, раз и навсегда

избавимся от Рима, чем поставим на карту собственные судьбы. Если мы не сделаем этого, саксонцы, переселившиеся из Северной Галлии и из Рейнских земель на наш юго-восточный берег, будут продвигаться в глубь страны и поглотят нас.

Молодые люди озорно улынулись друг другу. Их отец всегда так мрачен.

– О, Тит, – проворчала Джулия. – Саксонцы просто крестьяне. Мы цивилизованные люди, вряд ли они победят нас.

– Да, достаточно цивилизованные, – согласился Тит. – Может быть, поэтому я опасаюсь за Британию. – Он поднял своего младшего сына Гая, который играл на полу. – Когда люди становятся такими цивилизованными, что не боятся варваров у своих ворот, опасность очень велика. Боюсь, маленький Гай и его дети пострадают от нашего безрассудства.

Часть I

Кейлин

Британия

452–454 годы

1

– О, Гай, как ты мог! – раздраженно обратилась Кайна Бенина к своему мужу. Она была высокой, красивой кельтской женщиной. Темно-рыжие волосы она заплетала в несколько косичек, которые укладывала вокруг головы. – Я не могу поверить, что ты попросил Рим прислать мужа для Кейлин. Она ужасно разозлится на тебя, когда узнает. – Длинная мягкая желтая шерстяная туника Кайны Бенины грациозно колыхалась, когда она нервно ходила по залу.

– Ей пора выходить замуж, – парировал Гай Друзас Кориниум, – а здесь нет никого, кто мог бы ей подойти.

– Кейлин исполнится в следующем месяце только четырнадцать, – напомнила ему жена. – Сейчас не времена Юлианов, когда маленьких девочек, не успевших созреть, выдавали замуж! Меня не удивляет, что ни один юноша не подходит ей. Ты же очень любишь свою дочь, а она тебя. Ты постоянно держишь ее взаперти, и у нее действительно не было возможности встречаться с достойными молодыми людьми. Даже если бы ей встретился кто-нибудь, никто из них не сравнится с любимым отцом. Кейлин должна вести менее замкнутую жизнь, как другие девушки, и она найдет юношу своей мечты.

– Сейчас это невозможно, ты знаешь, – ответил Гай Друзас Кориниум. – Мы живем в опасном мире, Кайна. Когда последний раз мы отважились поехать в Кориниум? Повсюду бандиты. Только в стенах нашего поместья мы находимся в относительной безопасности. Кроме того, город не тот, что был когда-то. Если кто-нибудь купит наш дом в Кориниуме, я продам его. Мы не живем там с нашей свадьбы, и он заперт с тех пор, как три года назад умерли мои родители.

– Может быть, ты прав, Гай. Да, лучше продать дом. За кого бы ни вышла замуж Кейлин, она наверняка захочет остаться здесь, в поместье. Она никогда не любила город. А теперь скажи, кто тот юноша, который должен приехать из Рима? Останется ли он в Британии или захочет вернуться на родину? Учел ты это?

– Он младший сын в семье из ветви нашего рода в Риме, моя дорогая.

Кайна Бенина вновь покачала головой:

– Твоя семья не возвращалась в Рим целых два столетия. Я знаю, что две ветви семьи никогда не теряли связи, но твои отношения всегда оставались деловыми, там и следа не было от родственных чувств. Мы ничего не знаем о людях, которым ты собираешься отдать свою дочь. Как ты додумался до этого? Кейлин не понравится, я тебя предупреждаю. Тебе не удастся обвести ее вокруг пальца в этом деле.

– Римская ветвь нашего семейства всегда относилась к нам с уважением, – сказал Гай. – У них очень хорошая репутация. Я выбрал младшего сына, потому

что ему, как и моему предку, выгоднее остаться в Британии, чем влачить жалкое существование в Риме. Кейлин получит виллу Хилтоп и ее земли в качестве приданого и останется рядом с нами. Все устроится нормально. Я поступил правильно, Кайна, уверяю тебя, – заключил он.

– Как зовут юношу, Гай? – спросила она, вовсе не уверенная в его правоте.

– Квинт Друзас, – ответил он. – Он самый младший сын моего двоюродного брата Мания Друзаса, главы семейства в Риме. Маний пишет, что мать безумно любит его, но согласна отпустить, уверенная, что здесь, в Британии, он станет уважаемым человеком, если получит земли.

– Гай, а что, если он не понравится Кейлин? – спросила Кайна Бенина. – Ты не подумал об этом, не так ли? Разве твои родственники в Риме не обидятся, если ты отправишь их сына назад? Ведь они возлагают на этот брак так много надежд.

– Он обязательно понравится Кейлин, – настаивал Гай, может быть, с чуть большей уверенностью, чем он чувствовал на самом деле.

– Я не позволю тебе толкать ее в супружескую постель, если она не согласится, – жестко заявила Кайна Бенина, и Гай Друзас Кориниум неожиданно понял, почему он влюбился в дочь вождя этой холмистой страны добунни, а не в другую девушку из римско-британской семьи. В ней была несокрушимая твердость духа и обворожительная красота, а дочь походила на мать.

– Если он действительно не понравится ей, – пообещал он, – я не буду заставлять Кейлин. Ты же знаешь, я ее очень люблю. В этом случае я дам Квинту немного земли и найду ему подходящую жену. Для него такой вариант намного лучше, чем оставаться в Риме со своей семьей. Теперь ты удовлетворена? – Он улыбнулся ей.

– Да, – прошептала она голосом, похожим на кошачье мурлыканье.

«У него очень привлекательная улыбка», – подумала она, вспоминая то время, когда впервые увидела Гая. Ей было четырнадцать, как сейчас Кейлин. Он пришел со своим отцом в деревню ее отца, чтобы купить прекрасные брошки, которые изготавливали местные умельцы. Она влюбилась раз и навсегда. Вскоре

Кайна узнала, что он – бездетный вдовец и, по-видимому, не спешит вновь жениться. Его отец, однако, был в отчаянии от такого упрямства.

Гай Друзас Кориниум был последним в длинной ветви римских британцев. Старший брат, восемнадцатилетний Флавий, умер в Галлии, служа в легионах. Сестра, Друзилла, скончалась в шестнадцать лет при родах. Его первая жена умерла после нескольких выкидышей.

Кайна, дочь Берикоса, поняла, что нашла того единственного человека, с которым могла быть счастливой. Без лишнего стыда она расставила свои сети, чтобы поймать его.

К ее удивлению, на это потребовалось совсем немного усилий. Гай Друзас Кориниум оказался таким же пылким, как и она. Его слишком стыдливая первая жена в свое время наскучила ему. Гаю надоели женщины и девицы на выданье, которые пытались соблазнить его после трагической смерти Альбинии. Кайна постаралась, чтобы он заметил ее, и он не смог оторвать от нее глаз. Она была стройной, как молодое деревце, а ее высокие полные юные груди обещали наслаждения, о которых он не смел даже мечтать. Она молча дразнила его своими сапфировыми глазами и копной длинных рыжих волос, озорно кокетничая с ним, пока он не сдался. Он желал ее так, как не желал ни одной женщины в своей жизни. На этот раз он поделился своими мыслями с отцом.

Кайна была красивой, сильной, здоровой и умной девушкой. Ее кровь, смешавшись с кровью их рода, могла только укрепить семью. Титу Друзасу Кориниуму стало легче, он был доволен.

Берикос, вождь добунни, считал по-другому.

– Мы никогда не смешаем нашу кровь с кровью римлян, – говорил он мрачно. – Я торгую с вами, Тит Друзас Кориниум, но никогда не отдам свою дочь в жены вашему сыну. – Его голубые глаза были холодны как лед.

– Я всем своим существом британец, как и вы, – отвечал ему Тит негодуя. – Мой род живет на этих землях уже три столетия. Наша кровь смешалась с кровью катувеллони, айсени, так же как ваш род смешался с разными племенами.

– Но никогда – с римлянами, – последовал упрямый ответ.

– Легионы давно ушли, Берикос. Мы теперь живем как один народ. Позволь моему сыну Гаю взять в жены твою дочь Кайну. Она всем сердцем стремится к нему, как и он к ней.

– Это так? – обратился к дочери Берикос, и его длинные усы сердито задрожали. Он любил ее всем сердцем. Ее измена их гордому наследию была для него мучительной.

– Да, это так! – ответила она вызывающе. – Я хочу взять в мужа Гая Друзаса Кориниума и никого другого.

– Очень хорошо, – проворчал Берикос сердито, – но знай, что, если ты возьмешь его в супруги, ты не получишь моего благословения. Я никогда больше не взгляну на тебя. Ты для меня перестанешь существовать. – Он надеялся, что эти резкие слова испугают ее и заставят изменить решение.

– Пусть будет так, отец, – сказала Кайна с такой же твердостью.

Она покинула деревню добунни в тот же день, чтобы никогда уже не вернуться назад. И хотя она потеряла свободу, которой пользовалась дома на холмах, но зато обрела новую родню, которая любила ее и была к ней добра. Джулия, ее свекровь, мудро посоветовала отложить свадьбу на шесть месяцев, чтобы Кайна освоила манеры воспитанной девушки. Через год после свадьбы они с Гаем покинули дом в Кориниуме и поселились в родовом имении в пятнадцати милях от города. Она еще не зачала ребенка, и родители Гая надеялись, что жизнь в сельской местности поможет молодой паре в их попытках. Надежды оправдались: к семнадцати годам Кайна родила двоих сыновей, Тита и Флавия. Кейлин появилась на свет двумя годами позже. После этого у них больше не было детей, но Кайна и Гай не беспокоились по этому поводу. Трое детей, которыми боги осчастливили их, росли здоровыми, красивыми и умными.

Берикос, однако, никогда не забывал своих слов, сказанных перед замужеством Кайны. Она посылала ему весточки о рождении сыновей и дочери, но, верный своему слову, вождь добунни вел себя так, как будто она не существовала. Мать Кайны тем не менее пришла из деревни после рождения Кейлин. Она сразу заявила, что останется с дочерью и зятем. Ее звали Бренной, она была третьей

женой Берикоса. Кайна была ее единственным ребенком.

– Он не нуждается во мне. У него есть другие, – вот так объяснила Бренна свое решение. Она осталась, оценив, может быть, в большей степени, чем ее дочь, цивилизованный образ жизни британцев римского происхождения.

Вилла, в которой теперь жила Бренна со своей дочерью, зятем и внуками, была небольшой, но удобной. Ее вход с портиком и четыремя белыми мраморными колоннами производил впечатление помпезности по сравнению с очаровательным внутренним атрием, к которому он вел. Атрий обсадили дамасскими розами, которые цвели дольше других цветов. В центре атрия размещался небольшой прямоугольный бассейн с лилиями, в котором круглый год плавали маленькие разноцветные рыбки. В доме было пять спальных комнат, библиотека Гая Друзаса, кухня и круглая столовая, стены которой были покрыты росписью. Особенно поразили Бренну кафельные ванны и отопительная система, согревавшая дом в сырую, холодную погоду. Дом под красной черепичной крышей был теплым и уютным, и его обитатели жили счастливой, дружной семьей. Кайна, правда, сожалела, что ее родственники любили город со всей его суетой. Тит занимал место в совете. Для них жизнь на вилле казалась скучной. Проходили годы, дороги стали более опасными для путешествий, и их визиты сократились. Кайна и Гай не помнили тех дней, когда легионы покидали страну, сохранив в полном порядке четыре британские провинции и дороги, но старшее поколение не забыло этого. Джулия оплакивала уход легионов, потому что без них властям было очень тяжело поддерживать порядок. На их обращение к Риму с мольбой о помощи через несколько лет после ухода войск император ответил резко. Британцы должны сами позаботиться о собственной безопасности. У Рима свои проблемы.

Через три года Гай и Кайна получили сообщение, что Джулия заболела. Гай собрал вооруженный отряд и поспешил в Кориниум. Мать умерла за день до его прибытия. Отец, будучи не в силах справиться с потерей жены, с которой прожил большую часть жизни, зачах и через неделю скончался. Гай присутствовал на их похоронах. Когда он вернулся домой, семья еще больше сплотилась.

И вот сейчас Кайна Бенина, оставив мужа со своими расчетами, поспешила на поиски матери. Бренна работала в саду, пересаживая растения в теплую весеннюю землю.

– Гай обратился за мужем для Кейлин к своей семье в Риме, – начала Кайна без предисловий.

Бренна не спеша поднялась на ноги, отряхивая грязь с голубой туники. Мать и дочь очень походили друг на друга.

– Какие боги заставили его сделать такую глупость? – воскликнула она. – Кейлин, конечно, не примет никакого мужа, пока сама не выберет. Меня удивляет, что Гай может быть так глуп. И он заранее не посоветовался с тобой, Кайна?

Кайна печально улыбнулась:

– Мама, Гай редко советуется со мной, когда собирается сделать то, что, по его предположению, не получит моего одобрения.

Бренна покачала головой:

– Да, мужчины имеют такую привычку. Тогда нам, женщинам, остается только исправлять ошибки и избавляться от неприятностей. Боюсь, мужчины хуже детей. Мужчины часто норовят все делать по-своему. Когда нам ждать этого жениха?

Кайна приложила руку к губам.

– Я так расстроилась, что забыла спросить его. Но это случится скоро, иначе он ничего не сказал бы. Через несколько недель мы отметим день рождения Кейлин. Может быть, Квинт Друзас тогда и приедет. Я полагаю, что Гай замыслил такое вероломство еще с прошлого лета. Ему известно имя юноши и даже его история. – Ее голубые глаза потемнели от гнева. – В самом деле, я начинаю подозревать, что этот сговор готовился давно.

– Нам надо обо всем рассказать Кейлин, – решила Бренна. – Она должна знать, что готовит ей отец. Уверена, Гай не заставит ее выйти замуж за этого Квинта, если тот не понравится ей. Это не в его правилах. Он достаточно справедлив.

– Да, верно, – признала Кайна. – Он сказал, что, если Кейлин откажется от его выбора, он найдет Квинту Друзасу другую жену и даст ему участок земли. Сомневаюсь, мама, что римские родственники обрадуются, узнав, что их сын женится на другой девушке, когда им обещали нашу дочь. Среди наших знакомых нет молодых девушек, чьи семьи могли бы дать приданое, равное или хотя бы приближающееся к тому, что может дать Гай. Времена сейчас очень тяжелые, мама. Только благоразумие моего мужа позволит Кейлин воспользоваться преимуществами богатой наследницы.

Бренна взяла за руку дочь, стараясь ее успокоить.

– Давай не будем создавать трудности или видеть их там, где они не существуют, – мудро заметила она. – Может быть, Квинт Друзас станет прекрасным мужем для Кейлин.

– Мужем? Что это за разговоры о муже, бабушка?

Обе женщины виновато вздрогнули и, обернувшись, оказались лицом к лицу с главным объектом своего разговора – высокой, стройной молодой девушкой с большими фиалковыми глазами и копной непокорных каштановых волос.

– Мама, бабушка, кто такой Квинт Друзас? – спрашивала Кейлин. – Я не хочу выбранного для меня мужа; я совсем не готова к замужеству.

– Тогда лучше скажи об этом своему отцу, дочка, – прямо ответила Кайна. Несмотря на то что ее беспокоила возникшая проблема с Кейлин, она не привыкла врать. Откровенный разговор лучше, особенно в такой трудной ситуации, как эта. – Твой отец обратился к своей семье в Риме за женихом для тебя. Он полагает, пришло время для твоего замужества. Квинт Друзас – имя юноши, и, я подозреваю, он может прибыть в любую минуту.

– Я, конечно, не выйду замуж за этого Квинта Друзаса, – заявила Кейлин с холодной решимостью в голосе. – Как отец мог решиться на такое? Почему я должна выходить замуж до женитьбы Флавия и Тита, или он обратился в Рим и за невестами, чтобы обвенчать моих братьев тоже? Если это так, то он должен знать, что они стремятся к женитьбе не больше меня!

Бренна не могла сдержаться и рассмеялась.

– В тебе намного больше кельтского, чем римского, дитя мое, – сказала она посмеиваясь. – Не беспокойся об этом Квинте Друзасе. Твой отец сказал, что, если он тебе не понравится, ты не пойдешь за него; но, может быть, он окажется мужчиной твоих мечтаний, Кейлин. Это тоже возможно.

– Я не могу понять, почему отец решил, что я нуждаюсь в муже, – проворчала Кейлин. – Нелепо даже думать об этом. Я хочу пока оставаться дома со своей семьей. Если я выйду замуж, мне придется взять на себя обязанности по дому, завести детей. Я совсем не готова к этому. Я лишусь свободы и сразу стану взрослой. А мне так не хочется. Какой абсурд! Несчастливая Антония Порция вышла замуж два года назад, когда ей было только четырнадцать. Посмотрите сейчас на нее! У нее двое детей. Она растолстела и выглядит такой измученной. Неужели замужество, по мнению отца, должно сделать меня счастливой? А муж Антонии! Я слышала, что он спит с очень хорошенькими египетскими девочками-рабынями. Со мной этот номер не пройдет, уверяю вас. Когда придет время, я сама выберу себе мужа, и он не посмеет шлаться, или я убью его!

– Кейлин! – укорила ее Кайна. – Где ты только слышала такие непристойные сплетни об Антонии Порции? Меня удивляет, что ты повторяешь их.

– О, мама, все знают. Антония жалуется на своего мужа на каждом шагу. Она чувствует себя обманутой, хотя я думаю – это ее вина. Последний раз я видела ее на сатурналиях; она не могла остановиться, рассказывая о своих горестях. Несчастливая прижала меня в углу и болтала целый час.

– Это ошибка ее отца, ты знаешь. Он выбирал мужа для нее.

– Как самодовольна она бывала иногда! Как любила важничать перед другими девочками, когда мы встречались на праздниках. Секстус Сципио так красив, хвасталась она. Красивее всех мужей в нашей округе. Ну во всей Британии не было красивее мужчины, чем ее муж. К тому же он богат. Богаче всех мужей. О боги, а как она флиртowała! Она и сейчас флиртует, но, боюсь, теперь она поет другие песни. Нет, это не для меня. Я сама выберу себе мужа. Он будет мужчиной благородным, с сильным характером.

Бренна кивнула:

– Тогда выбирай с умом, когда придет время, дитя мое.

– Как выбрала я, – тихо произнесла Кайна, и ее собеседницы улыбнулись, согласившись.

Когда они собрались вечером за ужином, Кейлин пристала к отцу:

– Я слышала, ты послал в Рим за особым подарком к моему дню рождения, папа? – Ее большие фиалковые глаза лукаво блеснули. После обеда она загрустила, но, подумав, постаралась взять себя в руки и сейчас казалась веселой. Отец решил, что она готова выйти замуж. Совсем недавно у нее начались месячные циклы.

Гай Друзас покраснел и с любовью посмотрел на свою дочь:

– Ты сердишься?

Кейлин явно была настроена агрессивно. Даже на него это подействовало. Ее кельтская кровь намного горячее, чем у братьев-близнецов.

– Я не готова к замужеству, – сказала Кейлин, глядя прямо в глаза отцу.

– Замужеству? Кейлин? – Ее брат Флавий разразился громким смехом.

– О боги, пожалейте бедного парня! – воскликнул его близнец Тит. – Кто эта жертва, что должна быть принесена на алтарь супружества?

– Он приедет из Рима, – сообщила Кейлин. – Некто по имени Квинт Друзас. Я полагаю, с ним придут девицы, выбранные вам в жены, дорогие братцы. Да, я уверена, это так. У нас состоится тройное бракосочетание. Это поможет сберечь состояние наших родителей в такие тяжелые времена. А теперь, может быть, мама назовет имена невест? Маджеста и Октавия? Нет, я думаю, Горация и Лавиния.

Шестнадцатилетние юноши побледнели, но потом, когда вся семья разразилась смехом, поняли, что это всего лишь шутка. Они выглядели очень комично.

– Видишь, отец, – сказала Кейлин, – даже мысль о кем-то выбранных супругах крайне неприятна моим братьям. И она еще более неприятна мне. Неужели у тебя нет возможности остановить прибытие этого Квинта Друзаса? Его путешествие окажется напрасным. Я не выйду за него замуж.

– Квинт Друзас прибудет через два дня, – произнес Гай, чувствуя себя виноватым.

Два дня! Оскорбленная Кайна зло прищурилась.

– И ты не сказал мне, хотя этот человек уже в двух днях пути от нашего дома? О, Гай! Это просто невыносимо! Всему свое время. Мне некогда даже приготовить к встрече гостя из Рима. – Она с раздражением посмотрела на мужа.

– Он из нашего семейства, – ответил Гай тихо. – Кроме того, наш дом всегда в порядке, Кайна. Ты хорошо это знаешь.

– Надо почистить и проветрить комнату для гостей. Ею не пользовались несколько месяцев. Там всегда заводятся мыши, когда она закрыта. На кровати надо сменить матрац. Старый весь свалялся. Ты знаешь, сколько времени потребуется, чтобы соорудить новый матрац, Гай? Нет, конечно, не знаешь!

– Пусть спит на старом, мама, – заявила Кейлин. – Уедет побыстрее, если намнет бока.

– Он не уедет, – вмешался Гай Друзас, вновь обретая равновесие и достоинство главы дома. – Я обещал его отцу, что обеспечу будущее Квинта в Британии. В Риме у него этого будущего нет. Мой двоюродный брат Маний просил меня найти место для мальчика. Я дал слово, Кайна.

– Разве ты первым обратился к нему с этой глупой затеей отдать замуж Кейлин? – настаивала она. Теперь она начинала видеть дело в другом свете.

– Нет, Маний Друзас написал мне два года назад, – объяснил Гай. – Квинт самый младший его ребенок. Если бы он был девочкой, все было бы проще, они могли бы выдать девочку замуж со скромным приданым; но он не девочка. Просто для

Квинта в Риме нет места. Сыновья от первого брака Мания выросли вместе с их собственными детьми. Маний выделял им свои земли, по мере того как они обзаводились семьями. Его дочери обеспечены хорошим приданым и удачно вышли замуж.

Затем, после нескольких лет вдовства, он неожиданно влюбился. Его новая жена Ливия родила ему сначала дочку. Маний был достаточно богат, чтобы обеспечить ее приданым. Потом Ливия родила Манию сына. Мой двоюродный брат решил, что мальчик наследует его дом в Риме. Жена согласилась с этим, поскольку они не собирались больше иметь детей, но...

Кайна рассмеялась.

– Кузен Маний последний раз погрузил свой фитиль, и Квинт родился по неосмотрительности, – закончила она вместо мужа.

Он кивнул:

– Да. Мой кузен надеялся обеспечить небольшим наследством своего последнего ребенка, но ты знаешь, Кайна, в каком плохом состоянии пребывала экономика Рима в последние годы. Правительство постоянно расходовало больше, чем следовало. Надо было содержать легионы. Налоги выросли в три раза. Деньги обесценились. Мой кузен с трудом содержит семью. Молодому Квинту ничего не осталось. Поэтому Маний Друзас обратился ко мне за помощью. Он предложил Квинта в качестве мужа для нашей дочери. Мне кажется, это неплохая идея в такое время.

– Вовсе нет, – сухо сказала жена, – и ты в первую очередь должен был обсудить это со мной.

– Я не выйду замуж за этого Квинта Друзаса, – снова вмешалась Кейлин.

– Ты уже несколько раз повторила это, дочка! – обрезала Кайна. – Я уверена, что твой отец посчитается с твоим решением, как и я. Однако проблема остается: что делать? Квинт Друзас проделал длинный путь, надеясь на новую, лучшую жизнь. Мы не можем отослать его назад. Честь отца – несомненно, честь всей нашей семьи. – Она на мгновение сморщила лоб, затем оживилась: – Гай, кажется, я придумала. Сколько лет Квинту Друзасу?

– Двадцать один, – ответил он.

– Мы скажем ему, что сейчас Кейлин слишком молода для замужества. Мы намекнем, что его отец неправильно понял тебя. Ты только предлагал помочь Квинту обосноваться в Британии. Если Кейлин в конце концов влюбится в него, тогда свадьба, конечно, состоится. Фактически ты ведь не заключал брачного контракта с Манием Друзасом, Гай, не так ли? – Она с беспокойством посмотрела на мужа.

– Нет, не заключал.

– Тогда все гораздо проще, – вздохнула она облегченно. – Мы отдадим молодому Квинту эту маленькую виллу и прилегающие к ней земли вдоль реки, те, что ты купил несколько лет назад в поместье Септимы Агриколы. Они плодородны, там прекрасные яблоневые сады. Мы обеспечим его рабами, и, упорно трудясь, он сможет многого добиться.

Гай Друзас улыбнулся впервые за этот день.

– Это прекрасное решение, – согласился он. – Боюсь, без тебя я не справился бы, моя дорогая.

– Действительно, Гай, я тоже так думаю, – ответила Кайна.

Все остальные рассмеялись.

Когда они успокоились, Кейлин сказала:

– И все же, мама, не надо набивать новые матрасы. Не забудь, мы хотим, чтобы Квинт Друзас покинул этот дом как можно скорее.

Снова раздался смех. На этот раз к смеющимся присоединился и Гай Друзас, почувствовавший облегчение оттого, что его красивая, умная жена нашла выход из трудной ситуации. Много лет назад он не ошибся, женившись на Кайне, дочери Берикоса.

Через два дня, как и было обещано, Квинт Друзас прибыл на виллу своего дяди. Квинт приехал верхом на гнедом жеребце, которого подарил ему отец, когда он уезжал из Рима. Черные пронзительные глаза Квинта Друзаса разглядывали тучные вспаханные земли дядюшкиной фермы; аккуратно подрезанные деревья во фруктовом саду; прекрасно отремонтированные постройки; он про себя отметил хорошее состояние рабов, которые работали на весеннем солнышке. Квинт остался очень доволен увиденным, но его совсем не радовали планы отца.

– У тебя нет выбора, кроме Британии, – говорил ему сердито отец, когда он возражал против его решения. Мать Квинта Ливия тихо плакала. – Здесь в Риме у тебя нет будущего, Квинт! Все, что я имею, распределено между твоими родными братьями и сестрами. Ты знаешь, это правда. Ужасно, что тебе, моему младшему ребенку, я не могу предложить ни земли, ни денег. Гай Друзас Кориниум очень богатый человек, с большим наделом земли в Британии. Несмотря на то что у него два сына, он даст хорошее приданое своей единственной дочери – земли, дом, золото! Все может стать твоим, сын мой, но за это ты должен заплатить тем, что покинешь Рим. Ты должен остаться в Британии и работать на тех землях, которые получишь. Если ты сделаешь так, то будешь счастлив и доволен всю жизнь. Британия более плодородна, я уже говорил. Тебя ожидает прекрасная жизнь, обещаю тебе, Квинт, – закончил отец.

Квинт повиновался, хотя не был доволен решением родителей. Британия где-то на краю света, и климат там отвратительный, каждый это знает. Тем не менее он не мог оставаться в Риме. Армила Цицero становилась все требовательнее. Прошлой ночью она сказала, что беременна и что им следует пожениться. Ее отец очень могущественный человек; Квинт Друзас знал, что он может испортить жизнь любому, кто, по его мнению, сделает дочь несчастной. Лучше покинуть Рим.

Армила что-нибудь придумает, она не раз находила выход в таких случаях. Он не первый мужчина, которого она хотела поймать в свои сети. Сенатор Цицero – богатый человек, но мужья двух других его дочерей томились под властью отца. Не такой представлял свою жизнь Квинт Друзас. Он хочет стать независимым человеком.

Все это пришло ему на ум, когда он приближался к вилле своего дяди Гая Друзаса Кориниума. Предполагал ли он, что всю жизнь будет работать на землях Британии? Однако теперь ничего не поделаешь. В конце концов, надо подумать о будущем. Он вернется в Рим с полными карманами золотых монет и всю жизнь

проживет в достатке.

Он увидел небольшую группу людей, вышедших из виллы приветствовать его, и изобразил улыбку на красивом лице. Высокий мужчина с темными волосами и светлыми глазами, непохожий ни на одного Друзаса, по-видимому, его дядя Гай. Стройная женщина с прекрасной высокой грудью и темно-рыжими волосами, должно быть, жена дяди. Пожилая женщина с седыми волосами, несомненно, ее мать. Отец говорил, что кельтская свекровь дяди Гая живет с ними. Два подростка являли собой копию отца. Им, наверное, около шестнадцати лет. И девушка.

Квинт Друзас подъехал уже достаточно близко, чтобы отчетливо видеть ее. Высокая, как все в ее семье, выше его самого, подумал он с раздражением. Ему не нравились высокие женщины. Ее длинные каштановые волосы множеством беспорядочных локонов спускались на плечи. Он разглядел светлую кожу и правильные черты лица: прямой нос, большие глаза, рот, подобный бутону розы. Она действительно красивая, подумал он, однако невзлюбил ее с первого взгляда.

– Добро пожаловать в Британию, – сказал Гай, когда юноша остановил перед ними свою лошадь и спешился.

– Благодарю, дядя, – ответил Квинт Друзас, а затем вежливо поприветствовал всех остальных, представленных ему. К своему изумлению, он почувствовал, что не понравился своей предполагаемой невесте, так же как и она ему. Однако женщина не обязательно должна нравиться мужчине, чтобы он мог жениться на ней и завести детей. Кейлин Друзас – здоровая молодая девушка, с ней можно смело смотреть в будущее. Он намерен взять ее в жены.

В последующие два дня Квинт ожидал, что дядя Гай начнет разговор о брачном контракте и назначит день свадьбы. Кейлин избегала его как чумного. Наконец как-то утром, дней через десять после его приезда, Гай отвел его в сторону.

– Я дал обещание твоему отцу, поскольку наши семьи связаны кровными узами, – заговорил Гай. – Я помогу тебе начать новую жизнь здесь, в Британии. Поэтому я выделил тебе прекрасную виллу и участок земли с фруктовым садом у реки. Все это сделано официально и зарегистрировано надлежащим образом в магистрате Кориниума. У тебя будет столько рабов, сколько потребуется для обработки

земель. Остальное зависит от тебя, Квинт.

– Но я ничего не смыслю в хозяйстве! – вспыхнул Квинт Друзас.

Гай улыбнулся:

– Я знаю об этом, мой мальчик. Как мог такой красивый парень, как ты, пребывая в Риме, иметь представление о земледелии? Но мы научим тебя и поможем.

Квинт Друзас твердил себе, что не должен терять самообладания. Возможно, ему удастся продать дом и землю и сбежать назад в Рим. Но Гай разрушил все его надежды:

– Несколько лет назад я купил земли у реки – часть владений старого Септимы Агриколы. С тех пор они лежат под паром. Мне посчастливилось дешево купить их у наследников, которые живут в Глевуме. Сейчас цены на имущество слишком низки для тех, кто хочет продать, но высоки для тех, кто хочет купить.

«В ближайшее время побег не получится, – мрачно подумал Квинт Друзас, – но, раз состоится свадьба с Кейлин, мы по крайней мере получим деньги».

– Когда, – спросил он дядю, – вы предполагаете праздновать бракосочетание между мной и вашей дочерью?

– Бракосочетание? Между тобой и Кейлин? – Гай Друзас сделал удивленное лицо.

– Мой отец сказал, что предполагается брак между вашей дочерью и мной, дядя. Я думал, что прибыл в Британию как жених, чтобы вновь воссоединить две ветви нашей семьи. – Красивое лицо Квинта Друзаса выражало явно сдерживаемый гнев.

– Извини, Квинт. Твой отец, должно быть, не понял меня, мой мальчик, – сказал Гай. – Я только предлагал обеспечить тебя здесь, в Британии, тем, что в Риме ты не мог бы получить. Я считал это своим долгом, потому что мы связаны кровными узами. Если ты и Кейлин когда-нибудь полюбите друг друга, я, конечно, не буду возражать против вашей женитьбы, но наши семьи не

заклучали брачного контракта. Я сожалею о недоразумении. – Он сердечно улыбнулся и похлопал юношу по руке. – Кейлин еще подросток. На твоём месте, мой мальчик, я бы нашёл себе крепкую здоровую женщину среди дочерей наших соседей. Через несколько дней у нас праздник посвящения в мужчины – либералия – для наших близнецов. Соберутся соседи со своими семьями. Вот подходящий случай посмотреть на местных девиц. Ты хорошая добыча, Квинт. Помни, теперь ты состоятельный человек!

Не будет женитьбы. Не будет женитьбы! Эти слова жгли его мозг. Для Квинта Друзаса переписка между отцом и дядей Гаём не являлась тайной, и он был абсолютно уверен, что отец имел в виду его женитьбу на Кейлин Друзас. Неужели отец неправильно понял? Он ведь не мальчик, он на двадцать лет старше Гая Друзаса.

Или отец знал, что не будет женитьбы? Неужели Маний Друзас обманул его, отправив из Рима только потому, что Гай хотел предложить ему часть своих земель? Неужели Маний Друзас соблазнял своего младшего сына богатой невестой, потому что знал – в противном случае он не поедет? Это было единственным объяснением, к которому пришёл Квинт Друзас. Его дядя Гай оказался честнейшим человеком во всех отношениях. Не то что его отец, хитрая старая римская лиса.

Квинт Друзас чуть не застонал вслух, запустив руку в волосы. Его отправили на край света, в Британию. Он должен стать фермером. Квинт содрогнулся от отвращения, представив долгую унылую жизнь, заполненную козами и цыплятами. Он больше не увидит знаменитых боев гладиаторов в Колизее или гонки колесниц по Аппиевой дороге. Не будет лета на Капри с его теплыми голубыми водами и нескончаемыми солнечными днями. Не будет визитов в самые невероятные в мире бордели с их великолепными женщинами, которые доставляли удовольствие на любой вкус.

Может быть, он добьётся успеха и эта маленькая сучка Кейлин влюбится в него... Нет. Это похоже на чудо. Он не верил в чудеса. Чудеса – это для таких религиозных фанатиков, как христиане. Кейлин Друзас выразила явную неприязнь к нему, как только они посмотрели друг на друга. Она вела себя подчеркнуто вежливо в присутствии старших и полностью игнорировала его, когда они оказывались наедине. Ему, конечно, не нужна такая непокорная жена. Женщины с кельтской кровью представлялись ему именно такими. Жена дяди и свекровь тоже слишком прямолинейны и независимы.

Квинт Друзас попытался смириться с постигшим его разочарованием. Он оказался один в чужой стране, за сотни лье от Рима. Ему необходимы доброжелательность и влияние Гая Друзаса и его семьи. У него ничего нет, даже денег на обратную дорогу. Если он не сможет добиться Кейлин, а богатое приданое ее отца, несомненно, когда-нибудь уйдет вместе с ней, найдется другая девушка с хорошим приданым. Теперь ему нужно расположение Кейлин и ее матери Кайны, если он хочет найти богатую жену.

Двоюродные братья Квинта, Флавий и Тит, должны были праздновать свое шестнадцатилетие двадцатого марта. Либералия приходилась на семнадцатое марта. Эта церемония обычно совершалась незадолго до дня рождения мальчиков, поэтому родители решили совместить два праздника.

В этот особый день с мальчика снимали красную тогу его детства и вместо нее надевали белую тогу мужества. Здесь, в Британии, надевание тоги было чисто символическим, поскольку мужчины никогда не носили ее – климат слишком суров. Квинт убедился в этом. Он быстро привык к теплой тунике из светлой шерсти и вязаным штанам.

В Британии еще сохранились старые обычаи римской семьи. Если не было других причин, соседи находили самые разнообразные поводы собраться вместе. На этих собраниях подбирались пары для молодых людей. Здесь друзья получали возможность увидеться, потому что просто так приехать теперь стало невозможно. Соседи пригоняли скот, отбирали производителей. Перед каждой поездкой на вилле Гая Друзаса Кориниума совершались жертвоприношения и возносились молитвы богам, чтобы отъезжающие безопасно добрались домой.

Утром в день либералии Квинт Друзас обратился к Кайне в присутствии Кейлин:

– Не могли бы вы представить меня сегодня незамужним женщинам и девицам, моя госпожа? Теперь, когда я благодаря щедрости дяди Гая стал обеспеченным человеком, мне хотелось бы найти жену, которая разделит со мной судьбу. Я полагаюсь на вашу мудрость в этом деле, как полагался бы на мою любимую мать Ливию.

– Я уверена, – сказала Кайна, – что такой красивый юноша, как ты, без труда найдет себе жену. – Она повернулась к дочери: – Как ты думаешь, Кейлин? Кто больше всех может понравиться нашему кузену? Среди наших знакомых есть

много прелестных девочек, готовых выйти замуж.

Кейлин посмотрела на своего двоюродного брата.

– Ты хочешь жену с хорошим приданым, не так ли, Квинт? Или просто решил стать добродетельным? – спросила она язвительно. – Нет, я не думаю, что только ради добродетели.

Он принужденно засмеялся.

– Уж слишком ты умна, маленькая кузина. Я очень удивлюсь, если с таким острым язычком ты когда-нибудь найдешь себе мужа. Мужчина предпочитает немного сладкого в речи.

– Будет и сладость в избытке для настоящего мужчины, – ответила Кейлин дерзко, улыбаясь ему с нарочитой любезностью.

В это утро Тит и Флавий сняли свои золотые медальоны, которые носили на шее со дня рождения. Медальоны, служившие амулетами для защиты от зла, были возложены на алтарь семейных богов. После жертвоприношения амулеты уже не надевали.

Потом близнецы облачились в белые туники, которые отец заботливо приготовил для них согласно обычаю. Так как Тит и Флавий Друзас происходили из благородной семьи, туники, надетые на них, имели две широкие темно-красные полосы. Поверх туники надели белоснежные тоги мужественности – одежду зрелого мужчины.

Если бы они жили в Риме, то процессия, состоящая из семьи, друзей, свободных граждан и рабов, проследовала бы в Форум, где имена обоих сыновей Гая Друзаса занесли бы в список граждан. Со времен императора Аврелиана стало традицией регистрировать в Риме все рождения через тридцать дней, а в провинциях власти только тогда заносили имя мальчика в список граждан, когда он официально становился мужчиной. Это был торжественный момент. Имена Тита и Флавия Друзаса Кориниума тоже будут включены в список, хранившийся в Кориниуме. Одновременно будут принесены жертвы богу Либеру.

Как только соседи и друзья начали прибывать на семейный праздник, Кейлин отвела братьев в сторону.

– Кузен Квинт хотел, чтобы мы представили ему тех, кто мог бы стать его будущей женой, – сказала она, подмигивая. – Думаю, мы поможем ему. Он скоро придет сюда. Я с трудом могу оставаться вежливой в его присутствии.

– Почему он так тебе не нравится, Кейлин? – спросил Флавий. – Он ведь ничего не сделал тебе плохого. Раз отец сказал ему, что вашей свадьбы не будет, ты могла бы вести себя менее агрессивно. А вместо этого ты при каждом удобном случае стараешься уколоть его. Не понимаю тебя.

– Мне он кажется хорошим парнем, – согласился Тит с братом. – Его манеры безупречны, и на лошади он ездит прекрасно. Я думаю, отец был прав, когда говорил Квинту, что ты еще слишком молода для замужества.

– Я не слишком молода, чтобы выйти замуж за настоящего мужчину, если он появится, – ответила Кейлин. – Что касается Квинта Друзаса, в нем есть что-то такое, от чего мой внутренний голос предостерегает меня, но не знаю, от чего именно. Просто я думаю, что он опасен для всех нас. Скоро он уедет на виллу у реки и поселится там с женой, вот этого я и жду! А сейчас подумайте, какие девушки подойдут ему? Думайте! Вы оба знаете каждую порядочную и не очень порядочную девицу на несколько миль вокруг.

Братья дружно засмеялись, поглядывая друг на друга. Это уж точно, они разбирались в девушках, и Гай Друзас объявил, что его сыновья уже стали мужчинами и что им надо найти жен и женить, пока они не стали причиной скандала, сделав ребенка чьей-нибудь дочке или, еще хуже, совратив чью-нибудь жену.

– Барбара Джулия, – протянул Флавий задумчиво. – Она красивая девушка с прекрасной большой грудью. Это хорошо для детей.

– И Элиза Октавия или Нона Клавдия, – предложил Тит.

Кейлин кивнула:

– Да, все они подходят. Ни одна из них не нравится мне, поэтому я не собираюсь предупреждать их относительно нашего кузена Квинта.

Из окрестных поместий прибывали семьи. Близнецы высказали свои предложения матери, и Кайна послушно сделала соответствующие представления. Красивое лицо Квинта Друзаса в сочетании с его владениями делало его более чем привлекательным.

– Ему нужна рука одной из трех девиц, – сказала Кейлин сухо своей бабушке. – Барбара, Нона и Элиза будут драться, как кошки, чтобы завладеть им. Неужели и я должна так глупо улыбаться, чтобы заслужить внимание и привязанность мужчины? Это отвратительно!

Бренна хихикнула.

– Они просто кокетничают с Квинтом, – сказала она. – Кто-то из них завоюет сердце твоего кузена. Мужчины и женщины кокетничают веками. Однажды появится мужчина, который понравится тебе так сильно, что ты начнешь кокетничать с ним, моя Кейлин. Поверь мне.

«Может быть», – подумала Кейлин, но все же ей казалось, что эти три девицы, вертящиеся перед Квинтом, очень глупые создания. Она бродила среди гостей, заполнивших сады виллы. Никто не обращал на нее особого внимания, потому что это был не ее день, а братьев. Кейлин наконец-то почувствовала в воздухе весну. Земля стала теплой, веял нежный ветерок, хотя день выдался не такой ясный, как они ожидали. Кейлин заметила Антонию Порцию, и, прежде чем решила свернуть в другую сторону, Антония громко окликнула ее; улизнуть не было возможности.

– Как поживаешь, Антония? – спросила вежливо Кейлин, приготовившись к потоку слов, ведь Антония Порция не могла просто ответить на вопрос без множества подробностей.

– Я развожусь с Секстусом, – сообщила Антония драматично.

– Что? – изумилась Кейлин. Она впервые слышала о таком.

Антония взяла Кейлин под руку и сказала доверительным тоном:

– Да, действительно, он сбежал от меня с этой маленькой рабыней-египтянкой. Отец в бешенстве. Он сказал, что я не должна оставаться в браке с Секстусом Сципио при таких обстоятельствах. Он должен дать мне развод! – Она хихикнула. – Иногда не так уж плохо иметь отца – начальника магистрата Кориниума. Я, конечно, получу развод, потому что Секстус опозорил меня публично. Отец говорит, что ни один порядочный член магистрата не допустит, чтобы добродетельная жена и ее дети страдали при таких обстоятельствах. Если Секстус когда-нибудь вернется, он увидит, что у него ничего нет, но я слышала, они сбежали в Галлию. Представляешь? Он говорил, что влюбился в нее. Как глупо! – Ее голубые глаза на мгновение сузились. – Я слышала, из Рима приехал твой кузен и твой отец дает ему поместье старого Агриколы. Говорят, он божественно красив. Мои поместья не хуже тех земель, ты знаешь. Мой отец хотел купить их для меня, но твой отец получил их в Глевуме первым. Как его зовут? Я имею в виду твоего кузена. Ты меня представишь ему, Кейлин? Болтают, что он ищет себе жену. Богатая женщина вроде меня была бы для него неплохой парой, как ты думаешь? – Она опять хихикнула. – Разве это не прекрасно, если мы станем кузинами, Кейлин? Ты всегда нравилась мне, ты знаешь. Ты никогда не говоришь гадостей обо мне другим девочкам за моей спиной. Ты у меня, пожалуй, единственная подруга!

Кейлин была поражена. Они едва общались; семнадцатилетняя Антония старше ее, и они очень редко виделись. До нынешнего дня.

«Ну и глупая корова! – подумала Кейлин. – Она действительно хочет встретиться с Квинтом. Полагаю, вырвав его из-под носа у других, она испытает двойную победу. Она хотела бы одержать верх над теми, кто плохо говорит о ней, и доказать всем, что она еще очень привлекательная женщина, а Секстус Сципио – хам и дурак».

– Ты так мила, дорогая Антония, – услышала Кейлин свой голос, в то время как ее мозг оценивал представившиеся возможности.

Антония, может быть, и толстовата, но еще вполне привлекательна. Женившись на ней, Квинт получит богатую жену, оба поместья и деньги. Антония – единственный ребенок у отца и однажды унаследует его состояние. Кроме того, она глупа и эгоистична. Секстус Сципио, наверное, был очень несчастен с ней, если решил оставить все, что создала его семья за последние несколько

столетий. Антония Порция, конечно, заслуживает Квинта, и, несомненно, Квинт Друзас заслуживает дочери начальника магистрата Кориниума.

– Ну конечно, я представлю тебя моему кузену Квинту, Антония. Однако ты должна обещать, что не упадешь в обморок, – посмеивалась про себя Кейлин. – Он красив как бог, клянусь! Я так хотела понравиться ему, но, увы, не вышло. Если мы с тобой станем кузинами, я буду счастлива. – Она потянула Антонию за собой. – Пойдем прямо сейчас! Моя мама уже начала представлять ему всех достойных девиц из округа. Ты же не хочешь, чтобы они обошли тебя? Когда Квинт увидит тебя, дорогая Антония, твоя и его жизнь изменится. О, это было бы так чудесно!

Квинт Друзас чувствовал себя как рыба в воде в окружении хорошеньких девиц на выданье, которые крутились вокруг него. Он увидел, как подошла Кейлин с маленькой пухленькой блондинкой, но решил подождать, пока она заговорит с ним, и только после этого обратить на нее внимание.

– Кузен Квинт, это моя хорошая подруга Антония Порция. – Кейлин подтолкнула глупо ухмылявшуюся женщину вперед. – Антония, это мой важный кузен из Рима. Я уверена, что у вас много общего. Антония – единственный ребенок начальника магистрата Кориниума, Квинт.

«Ну и ну! – подумал он. – Маленькая кузина Кейлин в самом деле может быть очень полезной. Что же она выкинет на этот раз?» Да, он был озадачен. Она вполне определенно сообщила ему, что блондинка – дочь влиятельного человека и к тому же наследница. Он не мог понять, почему Кейлин решила помочь ему. Она открыто проявляла неприязнь к нему с первой минуты их встречи. Предлагаемая претендентка должна иметь какой-то изъян. Он пристально посмотрел в прозрачные голубые глаза Антонии, пытаясь понять, какой же это изъян. Хорошо бы отыскать его!

Он приложил руку к сердцу и сказал:

– Глядя на вас, госпожа Антония, я наконец понимаю, почему британские женщины так славятся своей красотой. Я припадаю к вашим ногам.

Губы Антонии округлились в восторженном «О!..», в то время как другие девицы, толпившиеся вокруг Квинта Друзаса, раскрыли рты от удивления. Затем

красивый молодой римлянин взял Антонию Порцию под руку и попросил, чтобы она показала ему сады. Пара медленно удалялась от собравшихся, вызывая восхищение одних, тогда как другие таращили глаза от изумления.

– В вашей семье не было сумасшедших, Кейлин Друзас? – спросила Нона Клавдия весьма раздраженным тоном.

– Что на тебя нашло – представлять Антонию Порцию такому достойному человеку? – допытывалась Барбара Джулия.

– И что он в ней нашел? – громко удивлялась Элиза Октавия. – Мы намного моложе и красивее.

– Я не хотела огорчить вас, – невинно сказала Кейлин. – Я просто посочувствовала бедной Антонии. Я только что узнала, что она разводится. Секстус, ее муж, сбежал с девчонкой-рабыней. Я искала способ ободрить ее, представив моему кузену. Конечно, я никогда не думала, что он увлечется ею. Она старше всех нас, и ты права, Элиза, заметив, что мы красивее. – Кейлин пожала плечами. – Вкусы мужчин не поймешь. Может быть, она быстро наскучит Квинту и он вернется к вам.

– Если бы ваша вилла, Кейлин, была не так далеко от Кориниума, ты бы знала о разводе Антонии, – заметила Барбара с раздражением. – Откровенно говоря, никто из нас не винит Секстуса Сципио. Антония эгоистична от рождения. Все, что увидит, сразу желает иметь. Секстус клялся, что она довела его до бедности. Если он запрещал ей что-нибудь, ее отец донимал беднягу укорами. Она плохая мать, она груба с рабами, как говорит мой отец. О, она мила и очаровательна, когда все делается так, как она хочет, но если скажешь слово поперек – берегись! Ей нужен был Секстус Сципио – самый красивый и богатый человек в округе. Однажды она завлекла его в свои сети, однако стала еще хуже, чем была, маленькая испорченная сучка! В самом деле, тебе надо предупредить своего кузена.

– Я слышала, – проговорила Нона Клавдия, понизив голос так, что другие девушки были вынуждены наклониться вперед, – что, хотя Антония получила поместье мужа, его движимое и недвижимое имущество, Секстус Сципио и его маленькая любовница сбежали с большим количеством золота. Мой отец был его банкиром, ты знаешь. Он говорит, что Секстус Сципио перевел деньги за

границу за несколько месяцев до этого. Антония никому не говорит об этом. Не хочет даже думать. Мысль о том, что ее муж может вернуться и счастливо жить в достатке, для нее невыносима.

– Она, очевидно, расставила сети для нового мужа, – сказала Барбара с досадой, – и опять это самый красивый мужчина в провинции, да к тому же он богат. Не знаю, почему Антонии так везет?!

– Он вовсе не богат, – сообщила им Кейлин, надеясь отпугнуть их и поспособствовать делу Антонии. – Он младший сын двоюродного брата моего отца в Риме. Это очень большая семья. Бедному Квинту ничего не досталось. Мой отец пожалел его и предложил своему кузену Манию прислать его к нам. Затем дал ему виллу у реки со всеми прилегающими к ней землями. Конечно, он одолжил ему рабов, чтобы обрабатывать земли и содержать фруктовый сад, так что мой кузен Квинт имеет очень мало, кроме своего красивого личика.

– Земли Антонии такие же, как у реки, – сказала Нона. – Когда твой великолепный кузен узнает это, он еще больше заинтересуется ею. Антония – богатая женщина. Откровенно говоря, Квинт Друзас будет дураком, если упустит ее. Боюсь, у нас нет шансов.

– Ты действительно так думаешь? – воскликнула Кейлин. – О, дорогая!

Бренна присоединилась к внучке, когда девочки удалились.

– Твой план коварен, как друид, Кейлин Друзас, – пробормотала она.

– Скоро он женится, – сказала Кейлин, – и я буду спасена. Спасибо богам, что он сразу не понравился мне. В нем есть что-то такое, бабушка, чего я не могу объяснить, но чувствую: Квинт Друзас опасен для меня и для всех нас. Надеюсь, он женится на Антонии Порции из-за ее богатства и связей. Я не успокоюсь, пока он не покинет наш дом. – Она заглянула в добрые глаза Бренны: – Ты не считаешь меня глупой, что я сужу так резко?

– Нет, – ответила Бренна. – Я всегда говорила: в тебе больше кельтского, чем в твоих братьях. Твой внутренний голос предостерегает тебя от Квинта Друзаса. Слушайся его, дитя мое. Этот голос не обманет тебя. Когда мы не прислушиваемся к этому голосу, мы совершаем ошибки. Всегда доверяй своим

инстинктам, Кейлин, – посоветовала бабушка.

2

– Почему из всех хорошеньких девушек в провинции Квинт выбрал Антонию Порцию? – громко удивлялась Кайна, обращаясь к мужу и семье.

Роскошно обставленное венчание их кузена состоялось утром в Кориниуме. Теперь они возвращались на свою виллу, которая находилась в восемнадцати милях от города. Стояла хорошая погода. Гай и его сыновья ехали верхом на лошадях. Три женщины сидели в открытой повозке. Они путешествовали большой компанией семей из близлежащих вилл. Соседи собрались вместе, чтобы нанять отряд хорошо вооруженных людей для защиты во время пути.

– Антония Порция – очень привлекательная женщина, – ответил Гай жене.

– Не то я имела в виду, – возразила Кайна, – и ты хорошо знаешь, о чем я говорю, Гай! Квинт мог бы выбрать невинную девушку из хорошей семьи. Вместо этого он решил жениться на разведенной женщине с двумя детьми и отцом, который не может ни в чем отказать своей дочери. Антоний Порций – трудный тесть, бедный Секстус Сципио уже испытал это.

– Подожди, дорогая, – прервал ее Гай Друзас, – ты знаешь не хуже меня, что Квинт выбрал Антонию по трем причинам. Она богата. Ее земли не хуже тех, что я дал ему. Это ведь не секрет, Кайна. Квинту была обещана земля и жена, если он приедет в Британию. Конечно, я предполагал, что женой станет Кейлин, но поскольку она не захотела – и в самом деле, если говорить честно, Кейлин и Квинт были бы плохой парой, – Квинт разумно выбрал Антонию. Он достаточно тверд, чтобы справиться с ней. Это будет хороший брак.

– Я думаю, они очень красивая пара, – вмешалась Кейлин.

Ее мать засмеялась:

– Ты думаешь, Квинт и Антония хорошая пара, потому что спаслась от брака с ним, дочка! Теперь где ты будешь искать супруга?

– Когда появится настоящий мужчина, мама, я узнаю его, – ответила Кейлин уверенно.

– Почему, – спросил Флавий, – Антония и Квинт выбрали тебя в качестве свидетельницы, сестричка?

Кейлин улыбнулась с наигранной любезностью:

– Ты не знаешь почему, Флавий? Я представила нашего кузена Квинта моей дорогой подруге Антонии. Полагаю, они решили, что в проделках Купидона есть и моя доля ответственности за то большое счастье, которое они обрели друг с другом.

– Кейлин! – воскликнула ее мать. – Ты представила Квинта и Антонию друг другу? Ты раньше никогда не говорила мне об этом. Я удивлялась, как они встретились в тот день.

– Разве я не упоминала об этом, мама? Наверное, это вылетело у меня из головы, просто я решила, что это не важно, – ответила Кейлин. – Да, я познакомила их. Это было на либералии, когда мои братья стали мужчинами.

– Ты коварна, как друид! – воскликнула мать.

– Бабушка сказала то же самое, – ужаснулась Кейлин.

– Действительно, – согласилась Бренна. – Из трех твоих детей она больше всех похожа на девушку из кельтского племени добунни. Берикос одобрил бы ее.

– Мама, – спросила Кейлин, – почему Берикос был против твоего брака с отцом? – Она никогда не думала об отце матери как о деде. Его имя редко упоминалось в их доме, и она ни разу не видела его. Для Кейлин он оставался загадкой, как, вероятно, и она для него.

– Мой отец – очень гордый человек, – объяснила Кайна. – Может быть, слишком гордый. Добунни входили в состав могущественного кельтского племени катувеллони. Сын их великого правителя Коммиуса по имени Тинкоммиус привел группу соплеменников в эти края много веков назад. Они стали называться добунни. Твой дед – потомок Тинкоммиуса. Он очень гордится своим родом и еще тем, что до меня никто и никогда не заключал браков с римлянами. Он всегда ненавидел римлян, хотя с нами делить ему было нечего.

Когда я увидела твоего отца и влюбилась в него, Берикос страшно разгневался. Он уже выбрал для меня мужа, человека по имени Карвилиус. Но мне не нужен был Карвилиус. Мне хотелось соединиться с твоим отцом, поэтому Берикос отказался от меня. Я возненавидела его. Я возненавидела добунни.

– Он дурак и всегда был таким, – проворчала Бренна. – Когда ему сообщили о рождении близнецов, на его лице на мгновение появилась улыбка, а потом он помрачнел и сказал: «У меня нет дочери». Другие его жены, Сира, Брайна и эта маленькая глупая Маеве, всегда так хвастались своими внуками, а мой единственный ребенок был изгнан, и мне нельзя было слова сказать. Действительно, что я могла сказать? Я не могла даже повидать мальчиков.

– Но, – спросила Кейлин Бренну, – если Берикос имел еще трех жен и других детей, почему он так разозлился на маму за то, что она последовала зову своего сердца? Разве он не желал ей счастья?

– У Берикоса было десять сыновей от других жен, но мой ребенок – его единственная дочь. Кайна была любимицей своего отца, вот почему он позволил ей уйти и вот почему никогда не мог простить то, что она отвернулась от родных очагов, – печально пояснила Бренна и продолжила: – Однако когда ты родилась, я сказала Берикосу, что, если он не может простить римско-британского брака твоей матери, я должна покинуть племя, чтобы жить с моей дочерью. У него есть другие внуки, а у меня – только дети твоей матери. Несправедливо лишать меня дочери и права качать на коленях своих внуков. Это случилось четырнадцать лет назад. Я никогда не жалела о своем решении. Я гораздо счастливее с моей дочерью и ее семьей, чем с Берикосом и его убийственной гордостью.

Кайна взяла мать за руку и крепко пожала ее. Женщины улыбнулись друг другу, затем Бренна протянула руку и ласково похлопала Кейлин по щеке.

Бракосочетание Квинта отпраздновали первого июня. К удивлению всех и его самого, он оказался достаточно умелым хозяином своих поместий, включая обширные земли жены. Он решил, что вилла у реки слишком обветшала, и разрушил ее. Его поля колосились тучным зерном. Фруктовые сады разрастались. Квинт, с комфортом устроившийся на роскошной вилле жены, прибавил в весе. Его привязанность к Антонии всех удивляла. Хотя он имел возможность взять любую рабыню для удовлетворения своих прихотей в постели, он не делал этого. Пасынки боялись и уважали его. Рабам не на что было жаловаться. Что касается Антонии, то ранней осенью она забеременела.

– Просто поразительно! – сказал Гай жене. – Бедная Гонория Порция за все годы замужества смогла родить только одного ребенка, а ее дочь созревает как дыня каждый раз, как муж переступит порог ее спальни. Ну, я должен признать, что сватовство Кейлин оказалось удачным. Мой кузен Маний должен быть благодарен мне за счастье своего сына.

Однако Квинт Друзас был совсем не тем человеком, каким казался. Приобретенное богатство только разожгло его аппетит. Правительство распадалось вместе с городами. Квинт понимал, что центральная власть скоро прикажет долго жить. Когда это произойдет, Британией начнут управлять богатые и могущественные люди. Квинт Друзас решил, что к этому времени он обязательно станет самым богатым и влиятельным человеком в Кориниуме. Он с жадностью поглядывал на поместья своего дяди Гая Друзаса Кориниума.

Антония недавно болтала о возможных браках его двоюродных братьев Тита и Флавия. Они уже баловались с девушками-рабынями в доме своего отца. Поговаривали, что один из них – и неизвестно, кто именно, поскольку они были похожи, – сделал ребенка молоденькой девочке-рабыне. Их браки означали возможность скорого появления детей, нового поколения наследников поместья Гая Друзаса Кориниума.

И еще Кейлин. Ее родители скоро найдут мужа для нее. Весной она тоже будет праздновать день рождения. Пятнадцать лет вполне подходящий возраст для замужества. Могущественный муж в союзе с дядей Гаем – эта мысль не радовала Квинта Друзаса. Он хотел завладеть землями, принадлежащими его благодетелю, и чем быстрее он получит эти земли, тем меньше сложностей будет с их продажей. Оставался один вопрос: как достичь цели и при этом не попасться?

Надо избавиться от Гая и его семьи, но как? Никто не должен заподозрить его. Нет. Он больше всех будет горевать на похоронах Гая Друзаса Кориниума и его семьи, и он останется единственным наследником поместий его дяди. Квинт улыбнулся. В конце концов он будет богаче всех своих братьев в Риме! Он вспомнил, как противился поездке в Британию. Дурак, он упустил бы единственный шанс в своей жизни.

– Ты выглядишь таким счастливым, любовь моя, – сказала Антония, улыбаясь ему, когда они лежали в постели.

– Как же мне не быть счастливым, дорогая, – ответил Квинт Друзас жене. – У меня есть ты и еще многое другое. – Он подвинулся поближе и потрогал ее заметно увеличившийся живот. – Он первый в нашей великолепной семье, Антония.

– О да! – согласилась она, поймав его руку и целуя ее.

«Сыновья Антонии, – подумал он, нежно лаская любимую жену. – Они так юны и так слабы. Любая болезнь может унести их жизнь...» Досадно, что сыновья Секстуса Сципио могут однажды завладеть всем его имуществом. Конечно, Антония не допустит, чтобы они остались без наследства. Она хоть и не очень хорошая мать, но любит своих детей. Однако все может случиться. Все...

Сын Квинта Друзаса родился первого марта, точно через девять месяцев со дня бракосочетания отца и матери. Младенец появился на свет крупным, здоровым ребенком. Однако радость Антонии по поводу рождения ребенка была кратковременной: на следующее утро ее сыновей от брака с Секстусом Сципио обнаружили в атрии на дне бассейна с рыбками. Обе женщины-рабыни, приставленные наблюдать за детьми, были найдены при самых компрометирующих обстоятельствах: обнаженные, слившиеся в сладострастном объятии и пьяные. Никто не сомневался в их причастности к преступлению. Обоих удавили и захоронили еще до исхода рокового дня. Антония была вне себя от горя.

– Я назову его Постхьюмус в память о его братьях, – трагически объявила Антония. Крупные слезы катились по ее щекам, когда она смотрела на своего сына, который жил на свете всего один день. – Как жаль, что он никогда не

увидит их!

– Он будет назван Квинтом Друзасом-младшим, – сказал Квинт, целуя жену и надевая ей на руку два тяжелых золотых браслета. – Ты не должна терзать себя так, дорогая. А то у тебя пропадет молоко. Я не хочу, чтобы он сосал грудь какой-нибудь рабыни. Молоко рабынь не так полезно, как материнское. Моя мать Ливия всегда верила в это. Она сама выкормила моего брата, сестру и меня. – Он подошел к ней и, положив руку на одну из ее грудей, произнес с некоторой угрозой в голосе: – Антония, не лишай моего сына того, что ему положено. Сыновья Секстуса Сципио были невинными младенцами, и потому сейчас они с богами. Ты ничем не можешь помочь им, дорогая. Это пройдет, тебе надо подумать о живом ребенке, которого милостиво послали нам боги. – Наклонившись, он опять поцеловал ее в губы.

Няня забрала младенца у Антонии и положила ребенка к ногам своего хозяина. Квинт Друзас взял на руки завернутый в пеленки комочек, тем самым признавая мальчика своим истинным отпрыском. Это формальное признание означало, что новорожденный принят в его римскую семью со всеми ее правами и привилегиями. Через девять дней после рождения Квинт Друзас-младший должен официально получить имя на большом семейном празднике.

– Ты не забудешь, дорогая, о чем я говорил, не так ли? – спросил Квинт Друзас жену, передавая сына няне и поднимаясь с постели. – Наш ребенок – это самое главное для тебя.

Антония кивнула, ее голубые глаза расширились от удивления. В муже появилось что-то такое, чего она раньше не замечала, и она вдруг испугалась. Квинт всегда был так снисходителен к ней. Теперь, казалось, он не видит ее, сын стал самым главным в его жизни.

Он улыбнулся ей:

– Я доволен тобой, Антония. Ты достойно прошла через суровое испытание. Ты подходящая мать для моих детей.

Он покинул спальню и направился в библиотеку. Теперь, без пасынков, бегающих повсюду, в доме стало спокойнее. Даже как-то грустно. Но через несколько лет вилла снова наполнится смехом и криком детей. Его детей. На

столе горел единственный светильник, когда он вошел в личное святилище, плотно закрыв за собой дверь. Только в самом крайнем случае его могли здесь побеспокоить, когда эта дверь была закрыта. Сразу после женитьбы на Антонии он приучил слуг к тому, что его комната – святая святых. Никто не мог войти туда без его приглашения.

– Вы сделали все очень хорошо, – сказал он двум мужчинам, которые появились из полумрака комнаты.

– Это не составило труда, хозяин, – ответил тот, что повыше. – Обе няньки быстро напились. Немного вина с порошком, немного любви, опять немного вина, опять немного...

– Да, да! – сказал раздраженно Квинт Друзас. – Картина, которую ты нарисовал, совершенно ясна. Расскажите мне о мальчишках. С ними не было хлопот? Я не хочу, чтобы потом вдруг объявились какие-нибудь свидетели.

– Мы придушили их в постели, когда они спали, хозяин. Потом перетащили их тела в бассейн в атрии. Никто нас не видел, уверяю вас. Это произошло в полночь, все спали. До того как прикончить мальчишек, мы приготовили хорошенькую сценку для тех, кто обнаружит няnek. Эти девицы выглядели совершенно непристойной парой. – Он похотливо хихикнул.

– Вы обещали нам свободу, – обратился второй мужчина к Квинту Друзасу. – Когда это произойдет? Мы сделали все, как нам было приказано.

– Я говорил, что вы должны выполнить два моих задания, – ответил Квинт Друзас. – Это было только первое.

– Какое же второе? Нам нужна свобода! – заявил высокий мужчина.

– Ты слишком нетерпелив, Като. – Квинт Друзас посмотрел на него с недовольным выражением лица. Квинта забавляло, что он так вежливо обращается со своими рабами. – Через девять дней, – продолжал он, – моему сыну официально дадут имя и состоится церемония очищения. Это семейное событие, которое отмечается дома. Мой тесть приедет из Кориниума, дядя Гай и его семья прибудут из соседней виллы. Я хочу, чтобы вы как следует занялись моим дядей и его семьей.

В мае – кельтский праздник. Я помню это по прошлому году. В этот вечер Гай Друзас отпускает своих рабов после захода солнца и до рассвета. Я собираюсь использовать этот обычай. Ночью вы уберете дядю и его семью. В качестве дополнительной награды можете украсть его золото из потайного места, о котором я вам скажу, когда придет время. Поднимется переполох, и через несколько дней я обнаружу, что те два новых раба из Галлии, которых я недавно купил, сбежали. Вы поняли меня? – Он смотрел на рабов холодным взглядом, обдумывая, как бы получше убрать их, чтобы его никогда не разоблачили. Нет. Он может на них положиться. Он знал людей: эти негодяи исчезнут мгновенно, пересекут пролив и скроются в Галлии.

– Это праздник костров, – сказал Като.

– Праздник костров? – Квинт Друзас посмотрел вопросительно.

– Вы упомянули кельтский праздник. Он отмечается первого мая, хозяин. Других весенних праздников нет.

– Сколько совпадений! – Квинт Друзас мимолетно улыбнулся. – Я женился первого июня. Наш сын родился первого марта. Теперь первого мая я окажусь на пороге моей судьбы. Я начинаю верить, что единица – мое счастливое число. – Он посмотрел на двух галлов. – Я затемню на время светильник. Выходите через сад и ведите себя осмотрительно. Оба! Вы можете легко проникнуть в дом, когда дядя и его семья будут гостить у нас. Если не сумеете, управляющий отправит вас на поля. Там вы и поработаете для меня.

Утром Квинт Друзас отправил послания своему тестю в Кориниум с просьбой приехать и дяде Гаю, приглашая всю его семью на день объявления имени нового Друзаса и очищения.

До прибытия на празднование Гай Друзас Кориниум и его семья не знали о смерти двух старших сыновей Антонии.

– О, дорогая, – сказала Кайна, целуя молодую женщину, – я ужасно огорчена. Почему ты не обратилась ко мне? Моя мать и я приехали бы. Кейлин тоже. Женщине так тяжело оставаться наедине с собой во время такого несчастья.

– В этом не было нужды, – тихо произнесла Антония. – Мои малыши теперь с богами. Квинт уверил меня в этом. Я ничего не могу сделать для них. Я должна думать о младенце. Квинт не хочет, чтобы его кормила рабыня. Я не могу истощать себя, иначе у меня пропадет молоко. Это очень не понравилось бы Квинту, а он так добр ко мне.

– Он околдовал ее, – сказала Кейлин с отвращением.

– Она влюблена в него, – ответила Кайна.

– Я думаю, кому-то очень выгодно, что оба сына Секстуса Сципио исчезли, – тихо заметила Кейлин.

Кайну поразили эти слова:

– Кейлин! Что ты говоришь? Неужели ты обвиняешь Квинта Друзаса в таком противоестественном поступке? Он любил этих маленьких мальчиков и был хорошим отчимом для них обоих.

– Я никого ни в чем не обвиняю, мама! – отрезала Кейлин. – Я просто заметила, что отсутствие малышей Антонии выгодно. Ты должна признать, Квинта очень устраивает, что остался только его ребенок, который однажды унаследует все им приобретенное.

– Почему, когда ты говоришь о Квинте, – спросила Кайна, – у тебя всегда такие мрачные мысли, Кейлин?

Девушка покачала головой.

– Не знаю, – честно призналась она. – Мой внутренний голос предостерегает меня, он шепчет мне о какой-то опасности, еще не знаю какой. Я думала, что после его женитьбы на Антонии этот голос замолчит, но нет, с каждым разом он становится еще громче в присутствии Квинта.

– Может быть, ты завидуешь браку Квинта? – допытывалась Кайна. – Может, ты сожалеешь о своем решении не выходить замуж за него?

– Ты с ума сошла, мама! – Отвращение на прелестном личике Кейлин красноречиво говорило Кайне, что она ошибается.

– Извини, я только спросила, – пробормотала Кайна. – Иногда мы сожалеем о том, от чего отказываемся или что сами бросаем.

Их позвали в атрий, где был установлен семейный алтарь. С гордостью Квинт назвал сына своим именем. Осторожно надел на шею младенца красивую золотую буллу. В медальон с крышкой, соединенной пружинкой, между двух створок он вложил талисман, который будет защищать его сына до совершеннолетия. С достоинством патриарха большой семьи Квинт Друзас вознес молитву богам, особенно богу Марсу, так как это был месяц Марса. Он молился о том, чтобы младший Квинт Друзас прожил долгую, счастливую жизнь. Затем он принес в жертву ягненка, который родился в тот же день, что и его сын, и двух белоснежных голубей в честь богов, чтобы они благосклонно приняли его молитвы.

Когда религиозный обряд закончился, началось празднование и застолье. Все члены семьи Гая Друзаса преподнесли младенцу маленькие игрушки: сделанные из золота и серебра фигурки зверей, рыб, цветов, миниатюрные мечи, плуги. Это были традиционные подарки новорожденному в день очищения и объявления его имени.

Квинт Друзас расслабился, пребывая в хорошем настроении. Распивая вино со своими двоюродными братьями Титом и Флавием, он пристал к ним:

– Я слышал, что есть какая-то девчонка-рабыня на вилле вашего отца, которая созрела, как летняя дыня. Кто из вас виноват, а?... – Он шутливо ткнул пальцем в их сторону и усмехнулся.

Близнецы покраснели и виновато засмеялись.

– Точно не знаем, – признался Флавий. – С детства мы всем делились.

– Мать очень рассердилась на нас. Она говорит, мы должны найти себе пару и жениться до окончания лета, иначе станем причиной скандала, – сказал Тит своему старшему кузену. – У девушки случился выкидыш, поэтому мы никогда не узнаем, кто был отцом, хотя нам и не хотелось это знать.

– А отец говорит, мы не должны опускать свои ведра в колодцы, не зная, свежая ли там вода, – добавил Флавий.

– А вы выбрали себе невест, братья? – спросил Квинт.

– Нет еще, – ответил Флавий. – Отец собирается поискать их немного подальше Кориниума. Он говорит, пора освежить кровь в семье. Я думаю, ему не нравятся девушки, которые окружают нас здесь.

– Выбор не особенно велик, – заметил Квинт. – Мне повезло с моей любимой Антонией. Пусть боги пошлют вам обоим такую же удачу, мои юные братья, и пусть я доживу до празднования дня присвоения имени всем вашим детям. – Он поднял свой кубок и выпил.

Они, в свою очередь, приветствовали его.

– А что Кейлин? – спросил Квинт. – Скоро ли она найдет себе мужа? С каждым днем она становится все красивее. – Он посмотрел через комнату, туда, где сидела Кейлин со своей матерью. – Если бы я не влюбился в Антонию с первого взгляда, я был бы в отчаянии от потери вашей прелестной сестры. Кого бы она ни выбрала, ее избранник станет счастливым человеком.

– Кажется, нет человека, который бы увлек нашу сестру, – сказал Флавий. – Я буду очень удивлен, если отыщется такой. Иногда наша сестра ведет себя очень странно. Мы говорим, в ней больше кельтской, чем римской крови. Жаль, если она помрет девственницей.

– Еще вина, хозяин? – Высокий раб стоял рядом с Квинтом.

– Да, Като, благодарю. И наполни кубки моим братьям тоже, – весело приказал он.

В праздничную ночь на каждом холме пылали костры. Кельтский праздник в честь нового сезона земледелия отмечался всеми. Казалось, стирались барьеры между мужчинами и женщинами, свободными гражданами и рабами – все дружно плясали вокруг костров и распивали огромные чаши сладкого медового

вина.

Гай Друзас Кориниум только что оторвался от своей жены в уединенной спальне пустого дома, когда ему показалось, что послышался шум. Поднявшись, он вышел в атрий узнать, в чем дело. Он так и не увидел двоих злоумышленников, которые появились сзади и мгновенно задушили его.

Кайна не поняла, что происходит, услышав глухой стук от падения какого-то тяжелого предмета. Она поднялась, чтобы посмотреть, в чем дело, но дошла лишь до середины спальни, когда в комнату ворвались двое мужчин.

– Я говорил тебе, она красавица, – сказал высокий.

Нетрудно было угадать их намерения. В ужасе Кайна начала отступать.

– Я дочь Берикоса, вождя добунни, – сумела выговорить она, хотя ее горло сжималось от страха.

Высокий схватил Кайну, прижался губами к ее рту, который только что принимал нежные поцелуи мужа. Кайна боролась с нападавшим как львица, царапаясь и плюясь. Засмеявшись, мужчина бросил ее на супружеское ложе и навалился сверху; его руки задрали ночную тунику. Другой мгновенно оказался у ее головы, заглушив рукой пронзительные крики. Кайна молила богов о скорейшей смерти.

Бренна вернулась на виллу рано. Она сопровождала Кейлин на праздник, но ее внучка вовсе не нуждалась в ней. Никто не мог выдержать капризы Кейлин, и, кроме того, девушка не хотела уединяться в темноте с каким-либо мужчиной. Она просто присоединилась к тем, кто танцует и поет.

Бренна споткнулась обо что-то в полутемном атрии. Нагнувшись, она с ужасом узнала своего зятя. Он был мертв. Ее затрясло. С огромным усилием она поднялась на ноги и с бьющимся сердцем побежала в спальню дочери. Кайна лежала обнаженная, раскинувшись среди скомканных окровавленных простыней. Бренна рухнула на пол, даже не поняв, что ей нанесли удар.

– Со старухой намного проще, – заметил Като небрежно.

– Но с молодой было забавнее, – ответил его напарник. – Какое сражение она нам устроила! Однако девчонка будет лучше всего. Прежде чем мы убьем ее, давай бросим кости, кому достанется ее девственность, а кому остатки.

Тит и Флавий, вернувшись домой совершенно пьяными от медового вина, даже не заметили своих убийц. На них напали из засады, быстро задушили, а затем притащили вместе с телом отца в спальню родителей, чтобы Кейлин не наткнулась на них.

Галлы ждали. Минуты превратились в час, затем в другой.

– Где же эта чертова девчонка? – ворчал раб что пониже.

– Мы не можем больше ждать, – сказал Като. Он показал пальцем в окно. – Уже светает. Мы должны поджечь дом так, чтобы он показался праздничным костром, и быстро убираться отсюда, пока не вернулись слуги. Девчонка не стоит того, чтобы нас поймали. Ты думаешь, Квинт Друзас спасет нас, если мы попадемся? Человек, который убил своих пасынков, чтобы они не могли получить его наследство, и убил семью своего дяди, чтобы завладеть его землями, не поможет нам. Я подозреваю, он убьет нас тоже, если сможет. Золото, которое он обещал, находится в потайном месте под статуей Юноны в нише. Давай заберем его и смотаемся. Я не верю, что этот римский мерзавец даст нам время, чтобы скрыться. Он явится за нами завтра. Мы же одурачим его, отправившись не в Галлию, а в Ирландию. Ему и в голову не придет, что мы удрали в этом направлении.

Бренна тихо лежала, впитывая его слова. Она молилась, чтобы они не обнаружили, что она все еще жива. Когда они уйдут, она как-нибудь сбежит, чтобы предупредить Кейлин об убийстве. Она с трудом сдерживала стон, кусая губы. Голова страшно болела. Она решила, что потеряла много крови. Только бы боги дали ей силы подольше остаться в живых, чтобы отомстить за Кайну и ее семью! Она больше никогда не попросит их ни о чем.

Бренна почувствовала запах гари. Услышала удаляющиеся шаги. Увидела две пары сапог, когда убийцы выходили в дверь, в спешке оставив ее приоткрытой. Она не двигалась. Надо убедиться, что убийцы ушли.

Вскоре спальня наполнилась густым дымом. Задыхаясь от едкого дыма, Бренна поняла, что больше не может оставаться здесь. Медленно, преодолевая боль, с кружащейся головой, она поползла к открытой двери и выбралась в атрий. Здесь не было мебели, которая могла бы гореть, как в других комнатах. Хотя атрий быстро заволокло густым черным дымом, она знала дорогу к двери. Ее чуть не стошнило, и, ухватившись за колонну, чтобы не упасть, мучимая сухими спазмами, едва держась на ногах, напрягая силы и спотыкаясь, Бренна пересекла атрий, добравшись наконец до главного выхода из дома. Ухватившись за дверную ручку, она, шатаясь, выбралась наружу, на прохладный, сырой воздух и, изнемогая, сделала еще несколько шагов от дома.

Вокруг никого не было. Нападавшие скрылись. Над ней сияла полная луна, безмятежно наблюдая за сценой кровопролития. Бренна жадно глотала свежий воздух, прочищая легкие, наполненные дымом. Она должна найти Кейлин!

Но получилось так, что Кейлин нашла ее. С развевающимися волосами она бежала по тропинке, но увидев бабушку, лежащую на земле, девушка остановилась и опустилась на колени.

– Бабушка! Дом горит! Что случилось? Где мать и отец? Мои братья? – Она взяла старую женщину под руки, пытаясь поднять ее. Бренна застонала. – О! Ты ранена, бабушка?! Почему никого нет? Рабы еще не вернулись с праздника?

– Уходи, дитя мое! Мы должны поскорее покинуть виллу! Нам грозит смертельная опасность... Помоги мне... Скорее! – с трудом проговорила Бренна.

– А наша семья? – повторила Кейлин, предчувствуя сердцем, что ответит бабушка.

– Мертвы. Все. Подойди и помоги мне. Нам нельзя оставаться здесь, Кейлин. Поверь мне, милая! – ответила Бренна, рыдая.

– Почему мы не можем подождать возвращения рабов? Мы должны сообщить властям! – сказала Кейлин отчаянно.

Бренна посмотрела внучке в лицо:

– У меня нет времени объяснять тебе. Ты должна поверить мне, если хочешь жить. Теперь помоги. Я ослабела от потери крови, а мы должны уйти, чтобы спастись.

Кейлин испугалась.

– Куда мы пойдем, бабушка?

– Есть только одно место, куда мы можем пойти, дитя мое. К добунни. К твоему деду Берикосу. Только он может спасти нас от этого дьявола. – Опираясь на внучку, Бренна тронулась в путь. – Нам предстоит одолеть всего несколько миль, ты ведь не знала этого, не так ли? Всю свою жизнь ты прожила всего в нескольких милях от Берикоса и не подозревала об этом. – Бренна замолчала, понимая, что ей нужны силы, если они хотят добраться до места живыми. Берикос должен узнать, что случилось. А потом, если это будет угодно богам, она умрет. Но Берикос должен знать.

– Я не знаю дороги! – воскликнула Кейлин. – Ты можешь показать мне дорогу, бабушка?

Старуха кивнула, но ничего больше не сказала.

Они сошли с наезженной дороги, и Бренна повела внучку вверх на один из холмов, а затем вниз к подножию другого. Их путь пролегал через невысокий густой лес; яркая луна освещала им дорогу. Ночь стояла тихая, обитатели леса давно замолкли. Лишь где-то начинала щебетать какая-то птица, сообщая о приближении рассвета. Иногда они останавливались передохнуть, но Бренна не могла себе позволить долго задерживаться. Она не боялась погони, но опасалась, что не выдержит и умрет. Они пересекли большой луг, где в предрассветном сумраке пасся олень, и вошли в другой лес. Небо над ними заметно посветлело. Они шли достаточно долго, и Кейлин чувствовала, что они уже приближаются к цели.

– Далеко еще, бабушка? – спросила она после нескольких часов ходьбы. Большей частью они шли вверх по холмам, и она устала от непривычной нагрузки. Легко представить, как должна была чувствовать себя старая женщина. Бренна давно уже столько не ходила, тем более в таком тяжелом состоянии.

– Недалеко, детка. Деревня твоего деда находится по другую сторону этого леса.

Лес начал редеть, засветилось небо, когда они вышли из-за деревьев. Перед ними вырос небольшой холм, на вершине которого виднелась деревня добунни. Внезапно перед ними появился юноша. Очевидно, он стоял на страже и был удивлен, увидев кого-то так рано. Затем его лицо просияло, когда он наконец узнал бывшую хозяйку дома.

– Бренна! Это ты?

– Я, Корио, – ответила Бренна, и ее колени подогнулись.

– Помогите мне! – вскрикнула Кейлин, тщетно пытаясь не дать бабушке упасть.

Корио, оправившись от изумления при виде Бренны, прыгнул вперед и подхватил теряющую сознание женщину.

– Иди за мной, – сказал он Кейлин и, не оглядываясь, начал быстро подниматься на холм.

Кейлин едва поспевала за ним. Ее волнение было велико, однако она успела заметить, что холм окружен тройными каменными стенами. За третьей стеной была деревня. Корио направился к самому высокому дому, Кейлин последовала за ним, войдя в большой зал. Вперед вышла женщина шести футов ростом, одетая в темно-синюю тунику. Она быстро взглянула на Кейлин, не скрывая одобрения, затем посмотрела на ношу Корио.

– Это Бренна, бабушка, она ранена, – сказал Корио.

– Положи ее сюда, мой мальчик, на скамейку, поближе к огню, – приказала пожилая женщина. – Теперь пойди и принеси мои лекарства. – Она посмотрела на Кейлин. – Ты брезгуешь или можешь помочь?

– Скажите, что надо делать, – ответила Кейлин.

– Я Сира, первая жена Берикоса, – представилась высокая женщина. – Ты дочь Кайны, не так ли? Ты похожа на нее.

– Да, я дочь Кайны. Меня зовут Кейлин. – Глаза девушки наполнились слезами. – Бабушка умрет? – спросила она.

– Пока не знаю, – ответила Сира честно. – Что случилось?

Кейлин покачала головой:

– Не знаю. Я вернулась домой после праздника костров. Дом был в огне. Бабушка лежала снаружи. Она говорит, что вся моя семья мертва, больше мне ничего не известно. Она настояла, чтобы мы пришли сюда. Она даже не позволила мне сообщить властям или дождаться, когда рабы вернутся с праздника.

– Берикос! – Голос Бренны звучал резко. – Я должна поговорить с Берикосом! – Она попыталась встать со скамьи.

– Лежи спокойно, Бренна, – сказала Сира. – Я послала за Берикосом, но если будешь противиться, ты умрешь и не скажешь ему то, что должна сказать. Сейчас отдыхай.

– Сира! Что я слышу? Бренна вернулась? – Другая женщина, не такая высокая, но повыше Кейлин, присоединилась к ним. Кейлин не помнила, чтобы она когда-либо видела это хорошенькое, миленькое лицо. В нем было что-то знакомое, но что – Кейлин пока не могла понять. Сейчас это лицо исказилось от горя. Голубые глаза наполнились слезами. – Бренна! Это ты! О, я никогда не думала, что увижу тебя опять!

– Маеве, – сказала Бренна тихо, но Кейлин почувствовала любовь в голосе бабушки. – Ты по-прежнему так же глупа, я вижу.

Маеве наклонилась и поцеловала окровавленный лоб женщины:

– А ты по-прежнему так же упряма и горда, сестра моя.

– Сестра? – Кейлин посмотрела на Сиру.

– Маеве – сестра твоей бабушки. Ты не знала об этом, детка? Да, я вижу, не знала.

– Почему бабушка называет ее глупой? – поинтересовалась Кейлин, понимая теперь, что лицо Маеве было копией лица Бренны, только немного моложе.

– Твоя бабушка и Берикос были не очень хорошей парой, – честно призналась Сира. – Они поженились поспешно, потому что страстно желали друг друга. Через некоторое время после этого твоя бабушка родила ребенка. Несколькими годами позже твой дед влюбился в Маеве, а она в него. Бренна была в ужасе. Она боялась, что сестра также будет несчастна. Она умоляла Маеве не выходить замуж за Берикоса, но та отказывалась слушать. Бренна обозвала ее дурочкой и относилась к ней так до сих пор, несмотря на то что брак между Маеве и Берикосом оказался удачным. – Сира повернулась к другой женщине: – Пойди и приведи Берикоса, Маеве. Он в доме Бриджит.

Корио вернулся с корзиной лекарств, и Сира принялась за дело. Она отрезала у Бренны прядь густых белых волос и покачала головой, увидев размеры раны. Положение оказалось намного серьезнее, чем она предполагала. Волосы Бренны слиплись от крови. Череп пробит, большой осколок торчит из раны. Сира с трудом представляла, как можно обработать такую рану. Очень осторожно она стала промывать рану вином, вздрагивая, когда Бренна стонала. Обильно посыпала сверху одним из своих целебных порошков, затем наложила повязку с чистым сухим мхом. За всю свою жизнь она никогда не чувствовала себя такой беспомощной.

Девушка стояла рядом с ней, ни разу не вскрикнув. Казалось, ее присутствие успокаивало Бренну. Откровенно говоря, Сира думала, что сейчас только покой, время и воля богов могут что-либо изменить к лучшему.

Корио на время вышел из зала и, вернувшись с маленькой чашей в руке, передал ее своей бабушке.

– Я подумал, может быть, тебе это понадобится для Бренны, – сказал он.

Она одобрительно улыбнулась:

– Да, это то, что надо. Ну, Бренна, выпей-ка! Это придаст тебе силы. Помоги ей немного приподняться, Кейлин.

Кейлин присела на скамью позади бабушки и осторожно приподняла ее.

– Что она пьет? – спросила Кейлин, заметив, что Бренна жадно потягивает маленькими глотками красноватую жидкость.

– Это бычья кровь, – ответила Сира. – Она очень питательна и поможет Бренне восстановить собственную кровь. – Сира сдержала улыбку, увидев на лице Кейлин отвращение. По крайней мере девочка не падает в обморок.

– Сира! – прогремел низкий голос. – Что происходит? Неужели то, что рассказала Маеве, правда?

Кейлин подняла голову. В зал вошел высокий мужчина с белоснежными волосами и такими же усами. Он был одет в темно-зеленую шерстяную тунику, вышитую золотой ниткой у ворота и на рукавах. На шее у него сверкало золотое ожерелье, отделанное зеленой эмалью. Такого великолепного украшения Кейлин никогда не видела. Широким шагом он направился прямо к скамье, где лежала Бренна, и посмотрел на нее.

– Привет, Берикос, – произнесла Бренна насмешливо.

– Так ты вернулась... – мрачно промолвил Берикос. – Благодаря чему мы удостоены такой чести, Бренна? Я думал, что никогда больше не увижу тебя.

– Я не такая, как ты. Ты стал старым, Берикос, – сказала Бренна. – Моей ноги здесь бы не было, если бы не Кейлин. Я скорее умерла бы в лесу, чем пришла к тебе. Но моя внучка... Я здесь ради нее, Берикос, а не ради себя.

– У нас нет ничего общего с внучкой, – ответил он.

– Берикос! – Голос Сиры стал резким. – Не упорствуй в своей глупости сейчас, когда случилось такое. Кайна мертва.

Выражение горя промелькнуло на лице старика и исчезло.

– Как? – спросил он бесстрастным голосом, глубоко пряча боль, чтобы никто не мог ее видеть.

– Прошлой ночью, – начала Бренна, – я пошла с Кейлин на праздник костров, но устала и вернулась домой рано. В атрии я наткнулась на мертвое тело своего зятя Гая Друзаса. Я побежала в спальню Кайны. Она лежала неподвижно на постели, истерзанная и избитая до смерти. Я даже не почувствовала удара, обрушившегося на меня. Очнувшись, я увидела тела Гая и двух наших внуков, Тита и Флавия, рядом со мной. Убийцы ждали Кейлин.

– Квинт Друзас! – закричала Кейлин, побледнев как мел.

– Да, детка, твой внутренний голос не обманул тебя. – Бренна посмотрела на Берикоса и продолжила свой ужасный рассказ.

– А что твой хваленый римский магистрат в Кориниуме? – спросил Берикос язвительно, когда она закончила. – Или больше нет римского правосудия?

– Начальник магистрата в Кориниуме – тесть Квинта Друзаса, – сказала Бренна. – Какие шансы у Кейлин против него?

– Тогда чего ты от меня хочешь, Бренна?

– Я прошу защиты, Берикос, хотя эта просьба уязвляет мое самолюбие. Я прошу защитить Кейлин и меня. Рабы еще не возвратились на виллу, когда все это случилось. Никто не знает, что мы одни уцелели, никто не должен об этом узнать. Кейлин – твоя внучка, и ты не можешь отказать мне. Не знаю, переживу ли я эту ночь. Я ранена, мои легкие обожжены. Я собрала все свои силы, чтобы привести Кейлин сюда, к тебе.

Берикос мрачно молчал.

– Племя защитит вас обеих, – сказала Сира. Муж зло посмотрел на нее, но она невозмутимо добавила: – Бренна все еще твоя жена, Берикос, мать твоей единственной дочери. Кейлин – твоя внучка. Родная кровь! Ты не можешь отказать им в приюте и защите по нашим законам, или ты забыл эти законы из-за старой страсти к Бриджит?

– Я воспользуюсь вашим гостеприимством только до тех пор, пока жива бабушка, – заявила Кейлин сердито. – Когда она уйдет через врата смерти в другую жизнь, я найду свою дорогу в этом мире. Я не знаю вас, Берикос из племени добунни, и не нуждаюсь в вас.

Легкая неприветливая улыбка коснулась уголков губ старика. Холодными голубыми глазами он серьезно посмотрел на Кейлин в первый раз с того момента, как вошел в зал.

– Смелые слова, беспородная сучка, – сказал он, – но я хочу знать, какие удобные римские дорожки приготовила ты себе, чтобы выжить в этом суровом мире?

– Я не боюсь, – ответила Кейлин вызывающе, – и я способна учиться. Хочу также напомнить, что я британка, Берикос. Я родилась здесь, как и мои родители, и прародители с обеих сторон, и поколения до меня. Меня воспитали в уважении к старшим, но не испытывайте мое терпение или поймете, что не сможете спрятаться за стеной своих почтенных лет!

Берикос занес над ней руку, но быстро опустил, удивленный злобой, которую увидел в ее пристальном взгляде. Она не такая высокая, как добунни, но и не маленькая. Она напомнила ему Кайну многими чертами, но темперамент, конечно, бабушкин. Темперамент – вот что прежде всего привлекло его в Бренне. К сожалению, он не смог терпеть ее характер, а Бренна не стала покорной. Он подозревал, что с этой девчонкой произойдет то же самое. Кейлин. Его внучка. Он понимал, что она будет колючкой у него в боку, но другого выбора нет, он обязан обеспечить ей защиту и кров в своем доме.

– Ты можешь остаться, – произнес он и, резко повернувшись, пошел прочь.

Бренна привалилась к Кейлин.

– Я устала, – сказала она.

– Корио, – позвала Сира, – отнеси Бренну в свободную спальню с южной стороны от очага. Там будет удобнее и теплее. Иди с ней, детка. Когда уложишь ее, возвращайся. Я покормлю тебя. Ты, должно быть, очень голодна после такого путешествия и потрясения.

Юноша бережно поднял Бренну, быстро пронес через зал и осторожно положил на кровать. Кейлин укрыла бабушку овечьим одеялом, подоткнув его с боков, глубоко вздохнула и тревожно посмотрела ей в лицо. Но Бренна не видела этого: она уже спала.

Кейлин вздрогнула от чьего-то прикосновения к своей руке. Повернувшись, она впервые увидела лицо Корио, приятное, с кроткими голубыми глазами.

– Пойдем, моя бабушка покормит нас. Хлеб всегда лучше есть теплым. Мы ведь двоюродные брат и сестра, не так ли? Мой отец Эппилус – младший сын Сиры. Я первый родственник, которого ты встретила. У твоей матери десять братьев, и все они живы. У многих есть дети, а у некоторых даже внуки. Здесь ты не будешь одинокой.

Кейлин посмотрела на Бренну. Она лежала бледная, но дыхание ее было спокойным и ровным. Девушка повернулась и последовала за юношей. Сира занималась приготовлением завтрака. Женщина положила ячменную кашу на два свежих куска хлеба и протянула обоим.

– На столе есть ложки, если ты так не привыкла, – сказал Корио. – Садись. – Он жадно откусил кусок хлеба с кашей.

Сира поставила перед ними два бокала.

– Разбавленное вино, – сказала она и, поскольку в зале больше никого не было, присоединилась к ним. – Ты напоминаешь свою мать и все же выглядишь не совсем так, как она в твои годы. Она была счастлива с твоим отцом?

– О да, – ответила Кейлин. – У нас была счастливая семья! – Внезапно весь ужас трагедии стал ей ясен. Еще вчера ее мать, ее отец, ее братья были живы. Ничто не предвещало трагического конца, этой кровавой резни всей семьи. Зачем жить, когда все они умерли?

Это был первый праздник костров, когда ей разрешили остаться одной, без сопровождения. В эту ночь Бренна предоставила внучке свободу, и, почувствовав себя самостоятельной, Кейлин начала смотреть на вещи совсем по-другому. Все молодые люди желали потанцевать с ней, и она танцевала у костра

почти до зари. Она не хотела прятаться в темноте с каким-нибудь парнем, но выпила свою первую чашу медового вина и чувствовала себя замечательно. Кейлин хотела вернуться домой со своими братьями, но они намного раньше исчезли в темноте с двумя девицами. Больше она их не видела. Только когда первые лучи зари осветили небо и музыка наконец смолкла, она пошла к вилле и обнаружила, что до нее здесь побывала смерть.

Кейлин побледнела и отодвинула кусок хлеба. Сама мысль о еде вызывала тошноту.

Сира сразу догадалась.

– На то воля богов, – сказала она тихо. – Иногда они добры, иногда жестоки, потом снова добры. Ты и Бренна живы, потому что ваше путешествие в этом мире еще не окончено. Ты ведь не сомневаешься в мудрости богов, Кейлин Друзас?

– Да! – воскликнула Кейлин. – Зачем мне жить, когда моя семья погибла? Что могли совершить мои братья в своей жизни такого, что их существование стало неуютным в этом мире? Им было только семнадцать!

– Я не могу ответить тебе, детка, – честно призналась Сира. – Могу лишь сказать – происходит то, что должно произойти. Что такое смерть? Это только переход из этой жизни в другую. Мы не должны бояться ее. Когда придет твое время, те, кого ты любишь, кто ушел раньше, будут ждать тебя на Священных островах. А до этого ты должна почитать богов, которые создали тебя и даровали такую судьбу, которая им была угодна. Ты можешь, конечно, скулить, отчаиваться, обвинять их в несправедливости, но зачем попусту растрачивать драгоценное время, отведенное тебе?

– Мне даже нельзя их оплакивать? – спросила Кейлин с горечью.

– Оплакивать можно только их ужасный конец, – сказала Сира, – но не их самих. Они ушли в лучший мир. А теперь ешь завтрак, Кейлин Друзас. Тебе нужны силы, чтобы позаботиться о Бренне.

– Не обращайтесь со мной как с глупым ребенком, госпожа, – попросила Кейлин.

– Тогда не води себя как ребенок, – ответила Сира с легкой улыбкой, вставая из-за стола. – По виду ты уже вполне взрослая девушка, а мы не ленивый народ. Мы надеемся, ты будешь зарабатывать на пропитание, а не чувствовать себя нахлебницей. – Она отвернулась от Кейлин и начала готовить завтрак для остальных членов семьи.

– Пусть бабушкино ворчание не вводит тебя в заблуждение, – сказал Корио с усмешкой, когда Кейлин зло посмотрела Сире вслед. – У нее мягкое сердце. Она старается, чтобы ты не навредила сама себе.

– Станный способ выражать любовь, – мрачно проворчала Кейлин.

– Хочешь, я расскажу тебе о семье? – спросил Корио, пытаясь отвлечь ее. Когда она кивнула, он начал: – Хотя наш дед наплодил десятерых сыновей, только трое живут в этой деревне: мой отец Эппилус и мои дяди Люготорикс и Сеговакс, сыновья Брайны. Остальные со своими семьями разбросаны по другим деревням на холмах, принадлежащих добунни. У нашего деда пять жен.

– А я думала, только четыре, – прервала Кейлин.

– Четыре живых, а всего пять. Брайна отправилась на Священные острова несколько лет назад. Недавно Берикос женился на женщине по имени Бриджит. Она не добунни, а из племени катувеллони. Наш дед одурел из-за нее. Она не намного старше тебя, Кейлин, но невероятно злая. Моя бабушка – главная среди жен Берикоса, но если мнение Бриджит противоречит мнению Сиры, Берикос поддерживает Бриджит. Это несправедливо, но ему нравится покровительствовать ей. К счастью, Бриджит оставила моей бабушке и Маеве их обязанности по ведению домашнего хозяйства. Это ее слабая сторона. Она предпочитает проводить дни в своем доме, натираясь благовониями и готовясь доставить удовольствие деду. Когда она отваживается выйти, ее сопровождают две служанки, которые предупреждают все ее желания. Они говорят, что она держит деда в руках с помощью колдовства и тайных снадобий.

Трое высоких мужчин, один темноволосый, два других с волосами, как у Кейлин, подошли и присели рядом с ними.

– Мать говорит, что ты дочь Кайны, – обратился к ней темноволосый мужчина. – Ты ребенок нашей сестры, красавица? Я Эппилус, отец этого красивого молодого

бездельника и младший сын Сиры и Берикоса.

– Да, я дочь Кайны и Гая Друзаса. Меня зовут Кейлин, – ответила она тихо.

– Я Люготорикс, – представился один из темно-рыжих мужчин, – а это мой брат-близнец Сеговакс. Мы сыновья Брайны и Берикоса.

– Мои братья Тит и Флавий тоже были близнецами, – сказала Кейлин, и по ее щекам снова покатались слезы. Она даже не пыталась утереть их.

Мужчины отвернулись, давая девушке время успокоиться, а Корио робко положил руку кузине на плечо и погладил ее. Кейлин взяла себя в руки и даже сумела найти комичное в своем положении. Бедный добрый Корио пытался утешить ее, но в действительности его сочувствие чуть не довело ее до истерики. Ей необходимо выплакаться и погоревать, но не сейчас. Не здесь. Позже, когда она найдет укромное место, где никто не увидит ее слез. Успокоившись, Кейлин глубоко вздохнула.

– Спасибо, все хорошо, – произнесла она, отодвигая руку Корио.

Все трое мужчин с уважением встретили ее спокойный, уверенный взгляд, и Эппилус сказал:

– Я вижу, ты все еще носишь буллу.

– Я не замужем, – ответила Кейлин.

– Внутри твоей буллы есть маленький кусочек оленьего рога и капелька янтаря, в которой застыл крошечный цветочек, – проговорил Эппилус. – Разве я не прав, Кейлин?

– Откуда вы знаете, что лежит в моем амулете? – спросила она с удивлением. – Я полагала, что только я и моя мама знали об этом. Даже бабушка не знает, что в моей булле. Она священна.

– Да, но не для твоих ложных римских богов, – ответил он. – Рог оленя посвящен Цернунносу, нашему богу охоты. Янтарь – это частичка Дану, матери-Земли,

соприкоснувшейся с Лагом, богом солнца; цветочек означает плодородие, это Маха, которая является одновременно богиней жизни и смерти. – Он улыбнулся ей. – Братья твоей матери послали тебе эту защиту еще до твоего рождения. Я верю, амулет уберег тебя, и поэтому ты смогла добраться до нас.

– Я об этом не знала, – тихо сказала Кейлин. – Моя мама немного рассказывала о своей жизни до брака с моим отцом. Я думаю, единственное, что она могла сделать, чтобы не причинять боль тем, от кого она ушла и кого очень любила, так это совсем не общаться с ними.

Эппилус улыбнулся:

– Ты все правильно поняла, Кейлин. Такая мудрость смолodu восхищает. Я рад принять тебя в семью твоей матери. Полагаю, наш отец не сделал этого. Он никогда не мог простить Кайне брак с Гаем Друзасом, и эта гордыня дорого обошлась ему. Он очень любил твою мать, ты знаешь. Она была его радостью.

– Почему он ненавидит римлян и все, что касается их культуры? Некоторые римляне прожили на этих землях много лет. Семья моего отца смешалась с британцами так давно, что в нас почти не осталось ничего римского. Только наш родоначальник был настоящим римлянином. Его сыновья женились на девушках из племени добунни, как и мой отец.

– Нашим отцом, – объяснил Люготорикс, – владеет прошлое. Британское прошлое. Прошлая слава добунни. Прошлое, которое начало блекнуть и меняться с приходом римлян несколько веков назад. Наша история, Кейлин Друзас, передается из уст в уста, и Берикос может пересказывать ее, как бард. Сира, близкая к нему по возрасту, помнит Берикоса еще юным мальчиком. Он всегда изучал историю нашего народа, его обычаи. Берикос знал, что когда-нибудь будет править нами, и тайно страстно желал восстановить былую славу добунни. Когда ушли легионы, Сира говорит, он плакал от радости, но с той поры мало что изменилось в Британии.

Однако он видел упадок городов, построенных римлянами, и форм управления, оставленных ими здесь. Вортигерн, который называет себя королем Британии, по сути, никогда не мог объединить племена. Сейчас он постарел и не имеет реальной власти над добунни и другими кельтами. Для Берикоса брак твоей матери с твоим отцом был величайшим предательством. Он собирался выдать ее

за воина по имени Карвилиус. Наш отец надеялся, что Карвилиус поможет ему вернуть с годами все территории добунни, отнятые римлянами, но этому не суждено было сбыться. Кайна полюбила Гая Друзаса, и мечта нашего отца рухнула.

– Я совсем ничего не знаю о народе моей матери. Мне надо многое узнать, чтобы понять, – медленно произнесла Кейлин. – Моя бабушка говорит, мы не можем вернуться домой. Она говорит, что мой кузен Квинт Друзас убьет меня, чтобы завладеть землями моего отца. Я должна стать добунни, дядюшки. Надеюсь, это возможно?

– Ты дочь Кайны, – ответил Эппилус. – Ты уже добунни.

3

Деревня, где находилась Кейлин, была центром территории кельтов из племени добунни и представляла собой типичное для Британии укрепленное поселение на холме. В ней насчитывалось пятнадцать домов, обнесенных крепостными стенами. Дом ее деда был самый большой. Все дома, за исключением дома Берикоса, строились из дерева, со стенами из прутьев, обмазанными глиной, с крышей из соломы. Дом вождя был каменный, но также крытый соломой. На территории племени добунни существовало еще десять деревень, но в каждой из них было только по восемь домов. Дом деда показался Кейлин достаточно удобным, но он сильно отличался от виллы, где выросла девушка. На вилле полы были выложены из мрамора, иногда в виде мозаики. В доме ее деда пол тоже оказался каменным, но в других домах добунни – земляной. На вилле стены были покрыты штукатуркой, разрисованы и украшены. Стены из глины и прутьев у деда, конечно, некрасивы, но хорошо защищают от дождя и холода. А это самое главное назначение стен. На вилле отца она имела собственную маленькую спальню. В доме деда ей приходилось делить постель с Бренной. Их ложе находилось в нише и, по мнению Кейлин, было вполне уютным.

– Ты вовсе не избалована, – заметила Сира, когда Кейлин однажды днем чистила горох. – Я подумала, что, раз ты воспитывалась, окруженная рабами, ты мало знаешь и много требуешь.

– В далекие времена в Риме женщины, даже высшего сословия, были трудолюбивы и хорошо знали домашние дела. Они лично следили за домашним хозяйством. Хотя предки моего отца сотни лет прожили в Британии, эти традиции сохранились. Моя мать научила меня готовить, ткать и шить. Я буду хорошей женой, Сира.

Сира улыбнулась:

– Да, думаю, будешь. Но кто станет твоим мужем, Кейлин Друзас? Я удивляюсь, что ты еще не замужем.

– Пока мне никто не нравится, Сира, – сказала Кейлин. – Мой отец попытался однажды найти мне пару, но я не захотела. Я сама выберу мужа, когда придет время. А сейчас мне нужна свобода, чтобы ухаживать за бабушкой и зарабатывать на пропитание. Я еще многого не знаю.

Сира помолчала. На празднике Лага, после сбора урожая, будет большое собрание всех добунни. Может быть, там появится юноша, который понравится Кейлин. Ей уже пятнадцать – возраст, подходящий для замужества. Сира знала всех юношей своего племени, но не могла решить, кого из них выбрать.

Кейлин нужно выйти замуж через год. Больше Бренна не проживет. Хотя внешне она не пострадала от пожара на вилле, на ее легких, вероятно, это сказалось. Она уже никогда не восстановит свои силы. Малейшее движение давалось ей с большим напряжением. Большую часть времени она проводила сидя на лавке или дремала. Даже короткий переход был для нее пыткой, поэтому Корио носил ее с места на место, чтобы она могла как-то участвовать в жизни семьи. Если Кейлин не замечала, как чахнет ее бабушка, то Сира и Маеве видели это.

Ежедневная жизнь в деревне Берикоса была полна хлопот: обработка полей, уход за домашним скотом и многое другое. Земля принадлежала всему племени, но личная собственность на скот разделила соплеменников. Берикос имел большое стадо, поэтому семья не испытывала недостатка в молоке и мясе. Иногда излишки продавали. Берикос владел стадом овец, которые давали шерсть отличного качества. Каждый мужчина в его семье имел по крайней мере две лошади, а у Берикоса был целый табун. На подворье стоял нескончаемый гомон кур, гусей, уток. Берикос держал и свиней. Кельтская солонина была известна всему западному побережью, и добунни продавали ее. Берикос

разводил также охотничьих собак, которыми особенно гордился.

Кейлин научилась работать в огороде Сиры. Это был труд, который ее семья обычно поручала рабам. Руки ее загрубели и потрескались через несколько дней работы, но Кейлин узнала от кузины Нуалы, младшей сестры Корио, что крем из топленого овечьего сала и травы может смягчить огрубевшую кожу. Нуала, четырнадцатилетняя девушка, брала Кейлин с собой пасти овец. Кейлин наслаждалась этими часами на свежем воздухе среди зеленых склонов холмов. Нуала рассказывала ей о семье добунни, и Кейлин тоже поведала Нуале о жизни своей семьи до той трагедии. Она стала первой настоящей подругой Кейлин. Эта добунни была добрее и веселее, чем римско-британские девочки, с которыми она росла. Она была повыше Кейлин, с длинными темными волосами и блестящими голубыми глазами.

Кейлин редко видела своего деда и почитала это за счастье. Он проводил ночи с молодой женой Бриджит в ее доме. Бриджит, однако, готовила плохо, что не устраивало старика, поэтому он ел в своем доме. Кейлин избегала Берикоса ради Бренны, но он не забыл ее.

– От нее мало проку, как от всех римских женщин? – спросил он Сиру однажды.

– Кайна научила ее готовить, прясть и шить, – ответила Сира. – Она работает на совесть. Мясо, которое ты поглощаешь с таким удовольствием, приготовлено Кейлин.

– Гм... – буркнул старик.

– Она следит за моим огородом, Берикос. Мои кости такие же старые, как и твои. Мне тяжело полоть, мотыжить, пересаживать. Теперь Кейлин делает все это за меня. Она быстро всему обучается. Нуала берет ее с собой пасти овец. И еще Кейлин ухаживает за Бренной. Кайна хорошо воспитала ее. Она славная девочка, и нам надо найти ей мужа. Бренна долго не проживет, и после ее смерти Кейлин почувствует одиночество.

– У нее есть мы! – резко оборвал Берикос.

– Этого недостаточно, – настаивала Сира.

– Хорошо, – сказал вождь добунни, – по крайней мере она зарабатывает себе на пропитание, если верить тебе, Сира.

– Я не из тех жен, кто врет тебе, Берикос, – сердито ответила Сира. – За ложью обращаешься к своей катувеллонке.

– Почему ты не можешь поладить с Бриджит? – проворчал он.

– Потому что она не уважает ни меня, ни Маеве. Она пользуется твоим покровительством, Берикос, и ты ей потакаешь. Она обращается к самой темной стороне твоей души и поощряет то, что ты никогда бы не сделал до женитьбы на ней. Она порочна, капризна и не достойна быть женой вождя добунни. Но зачем только я трачу слова на тебя? Ты ничего не хочешь слушать. Я никогда не лгала тебе, Берикос. Кейлин хорошая девочка, – тихо закончила Сира.

В середине июня собрали урожай ранней пшеницы, полбы. В конце июля убрали позднюю пшеницу, ячмень, рожь и просо. Зерно, предназначенное для семян и торговли, засыпали в подземное каменное хранилище, которое закрыли, обмазав глиной. Зерно для ежедневного пользования хранилось в амбаре. Скошенное сено уложили для просушки.

Нуала и Кейлин собирали листья вайды, аккуратно укладывая их в камышовые корзинки. После обработки из листьев вайды получали изумительную голубую краску, которой славились кельты. Девушки выкапывали корни марены – из них готовилась превосходная красная краска. Смешав их, получали яркий пурпурный цвет, пользующийся большим спросом. Этими красителями обычно окрашивали одежду, которую ткали из льна и конопли.

Первый день августа был праздником великого кельтского бога солнца Лага. Он отмечался по всей Британии перемирием между враждующими племенами. После уборки урожая устраивался большой сбор добунни с играми, состязаниями, музыкой и пением баллад. Кейлин хорошо знала этот праздник. В Кориниуме в день Лага проводилась большая ярмарка.

Теперь она даже не думала, что когда-нибудь вновь увидит город. Вскоре после гибели ее семьи Эппилус и Люготорикс отправились в Кориниум узнать, что говорят о смерти Гая Друзаса и его семьи. Остановившись у самой большой таверны, они заговорили с хозяином о сгоревшей вилле, которую видели в

нескольких милях от города.

– Кажется, недавно там был пожар, – небрежно сказал Эппилус.

– Кто-нибудь пострадал? – спросил Люготорикс.

Хозяин таверны, любивший поболтать и не очень занятый в этот солнечный день, глубоко вздохнул и ответил:

– Это большая трагедия. Вилла принадлежала Гаю Друзасу Кориниуму. Его семья владела ею сотни лет, со времен императора Клавдия. Прекрасные люди. Несомненно, очень почтенная семья. Мне говорили, у него было трое детей. Два мальчика и девочка. И еще мать жены. Теперь все мертвы. Вилла загорелась на прошлом празднике костров, и вся семья погибла.

– Теперь земля продается? – осторожно осведомился Эппилус.

– Нет, – ответил хозяин таверны. – То, что оказалось бедой для Гая Друзаса Кориниума, стало удачей для его племянника Квинта Друзаса. Этот молодой человек приехал из Рима всего пару лет назад. Женился на дочери начальника магистрата в Кориниуме, богатой женщине с собственным правом на имущество. Теперь он наследует земли, принадлежавшие Гаю Друзасу Кориниуму. Знаете, как говорится, богатство идет к богатству, не так ли?

На обратном пути, когда они уже возвращались в свою деревню, Эппилус сказал:

– У меня есть желание как-нибудь подстеречь темной ночью этого Квинта Друзаса и перерезать его ненасытную глотку. Мало того, что они умертвили всю семью, ты знаешь, Бренна нам говорила, что они сделали с Кайной перед смертью.

– Убийство Квинта Друзаса не вернет нам сестру и ее семью, – ответил Люготорикс брату. – Сейчас мы должны подумать о Кейлин. Сира говорит, что Бренна долго не протянет. Мы должны найти мужа нашей красавице.

– Может быть, на празднике Лага, – задумчиво промолвил Эппилус, – когда соберутся все добунни. Есть кто-нибудь среди сыновей наших братьев, кто бы

подошел девушке? Это должен быть человек с достатком. Что бы ни говорил отец, Кейлин нашей крови.

Группа незнакомых смуглых людей в цветных одеяниях, сидящая в трех закрытых повозках, прибыла в деревню Берикоса вечером накануне праздника Лага. Их радушно приняли и в связи с предстоящим событием пригласили остаться на торжества.

– Это цыгане, – сказала Нуала осведомленно. – Они хорошо разбираются в лошадях и, говорят, хорошо гадают.

Действительно, на следующий день, когда начались празднования, одна морщинистая старуха цыганка уселась под полосатым навесом и собралась предсказывать, как пойдут дела в торговле.

– О! – взволнованно воскликнула Нуала. – Пусть она предскажет нашу судьбу, Кейлин! Я хочу знать, будет ли у меня молодой красивый муж, который всегда ненасытно хотел бы меня. – В ответ на удивленный взгляд Кейлин Нуала озорно хихикнула. – Кельты говорят откровенно, – сказала она.

– Мне нечего подать старухе, – вздохнула Кейлин. – Если бы не твоя бабушка, у меня вообще ничего бы не было, кроме туники, в которой я пришла сюда. Впрочем, кое-какие драгоценности у меня остались: гранатовые сережки в ушах и золотая с эмалью брошь, которую я приколола на празднике костров. Ты можешь пойти, Нуала, и узнать свою судьбу. А я послушаю.

– Дай ей горшочек с бальзамом, который я научила тебя делать, – сказала Нуала. – Этого вполне достаточно, уверяю. Мы пойдем вместе, но я войду первой и дам ей эту булавку из бронзы с эмалью. Это очень щедрый подарок, но она мне больше не нравится.

Сестры приблизились к навесу. Старуха выглядела древним изваянием. Когда они вошли, она внимательно посмотрела на них своими черными глазами. «Она похожа на черепаху, греющуюся на скале ранней весной», – подумала Кейлин.

– Входите, входите, красавицы, – приветствовала их цыганка, посмеиваясь. – Хотите, чтобы старая Гранни предсказала вам судьбу? – Она улыбнулась им беззубой улыбкой.

Нуала протянула ей булавку, и старуха взяла ее, внимательно разглядывая и удовлетворенно кивая головой.

– Никто не умеет лучше вас, кельтов, работать с эмалью, – сказала она восхищенно. – Дай мне твою руку, девочка. Я посмотрю, какая жизнь уготовлена тебе. – Посмеиваясь, она взяла руку Нуалы и начала пристально всматриваться. – А-а-а-а! – сказала она и снова посмотрела: – Да! Да!

– Что там? – воскликнула Нуала. – Что ты видишь, старая?

– Сильного, красивого мужчину, моя девочка, и не одного. Ты будешь женой дважды. У тебя будет много детей и внуков. Да! Ты проживешь долгую жизнь, детка, правда, не всегда легкую, но ты не будешь несчастной. – Цыганка отпустила руку Нуалы.

– Два мужа? – Нуала выглядела озадаченной, а затем рассмеялась: – Ну что же, если недостаточно одного, я буду счастлива иметь другого! И много детей, говоришь? Ты уверена?

Старуха утвердительно кивнула.

– Ну что же, – сказала Нуала, – это хорошая судьба, и я довольна. Что может быть лучше для девушки, чем замужество и дети? – Она подтолкнула Кейлин вперед. – Теперь предскажи будущее моей кузине! Оно должно быть по крайней мере не хуже моего. Дай ей бальзам, Кейлин! – закончила Нуала нетерпеливо.

Кейлин протянула цыганке маленький каменный горшочек с бальзамом. Та взяла ладонь девушки и внимательно посмотрела на нее.

– Недавно ты избежала смерти, – начала предсказательница. – Тебе придется избегать ее не раз, девочка, в течение жизни. – Она посмотрела в лицо Кейлин, и девушка задрожала. Цыганка опять взглянула на ее руку. – Я вижу мужчину, и не одного. – Она покачала головой. – Золотую башню. Ой, как все перепуталось здесь! Я ничего не могу разобрать. – Она выпустила руку Кейлин. – Я не могу предсказать твое будущее, детка. Извини. Возьми назад свой бальзам.

– Нет, – ответила Кейлин. – Оставь его у себя, но скажи мне только одну вещь, старуха. Потеряю ли я вскоре любимого мной человека?

Цыганка снова взяла руку Кейлин и ответила:

– Недавно ты потеряла нескольких человек, любимых тобой, детка. Да, твою связь с прошлой жизнью скоро оборвет смерть. Прости меня...

– Не извиняйся, – сказала Кейлин. – Ты только подтвердила то, что говорит мне мой внутренний голос. Пусть твои боги хранят тебя. – Она повернулась и вышла, Нуала последовала за ней.

– Это Бренна, да? – спросила Нуала.

Кейлин кивнула.

– Я пытаюсь не показывать виду ради нее, – сказала она. – В моем присутствии все притворяется, что ничего не замечают, но все мы знаем, даже бабушка. Она была со мной всю мою жизнь. Она спасла меня от смерти и отвела в безопасное место. Я так хочу, чтобы она выздоровела и жила еще много лет, но это невозможно, Нуала. Она умирает постепенно, и при всей моей любви к ней я ничем не могу ей помочь.

Нуала успокаивающе обняла кузину за плечи и погладила ее.

– Смерть – это только переход между этой и следующей жизнью, Кейлин. Ты знаешь это. Тогда почему ты уже горюешь, хотя Бренна сделала только первый шаг?

– Я горюю, потому что не могу сделать даже этого шага, Нуала. Я остаюсь одна по эту сторону двери, в то время как моя семья находится по другую сторону. Я потеряла родителей и братьев!

Нуале нечем было утешить Кейлин, поэтому она промолчала. Она жила в семье и с трудом могла представить, что значит не иметь ее; едва вообразив такое, она готова была заплакать. Пытаясь отвлечься, она предложила:

– Пойдем посмотрим состязания в беге. Мой брат Корио бегают очень быстро. Юноши из других деревень безуспешно пытаются победить его.

– И не могут? – спросила Кейлин с легкой улыбкой. Любовь Нуалы к своему брату граничила с поклонением.

– Никто не может победить Корио, – гордо настаивала Нуала.

– Я могу! – слышался юный голос, и, повернувшись, кузины увидели красивого молодого человека с темными волосами, стянутыми сзади кожаным ремнем.

– Хвастливый Бодвок, – усмехнулась Нуала, – ты не смог превзойти моего брата на прошлом празднике Лага. Почему ты решил, что сможешь быть лучше его сейчас?

– Потому что в этом году я сильнее, чем в прошлом, – сказал Бодвок, – и когда я стану победителем в состязании, Нуала, в награду ты поцелуешь меня.

– Ни за что! – негодуя заявила она, покраснев, но Кейлин заметила, что ее возмущение на самом деле не такое искреннее, как Нуала хотела представить.

Бодвок обаятельно улыбнулся.

– Ну, посмотрим, – сказал он и отошел к другим юношам, готовящимся к забегу.

– Кто он? – спросила Кейлин.

– Это Бодвок. Его отец Карвилиус – глава одной из деревень нашего деда. Твоя мать должна была выйти замуж за Карвилиуса, но когда вместо него выбрала твоего отца, он женился на катувеллонке. Бодвок – последний из их детей.

– Ты нравишься Бодвоку, Нуала, – подзадорила Кейлин свою младшую кузину.

Нуала хихикнула.

– Это верно, – согласилась она. И прибавила: – Он красивый.

– И, я думаю, ужасно хочет тебя, – сказала Кейлин. – Он может стать твоим первым мужем.

– О, не говори никому о том, что цыганка предсказала мне двух мужей, – попросила Нуала. – Ни один мужчина не захочет иметь со мной дела, если будет думать, что это укоротит его жизнь. Тогда я умру старой девой.

– Не скажу, – пообещала Кейлин. – Однако пойдем посмотрим состязание и увидим, должна ли ты Бодвоку поцелуй.

Никто не верил, что кто-нибудь победит Корио, но, к всеобщему удивлению, на этот раз Бодвок финишировал на целую ногу впереди чемпиона. В кожаных сандалиях, с влажной от пота мускулистой грудью, он подошел широким шагом к удивленной Нуале.

– Ты должна мне поцелуй, Нуала с голубыми-голубыми глазами, – сказал он тихо, и широкая улыбка озарила его красивое лицо.

– Почему это я должна целовать мужчину, победившего моего любимого брата? – спросила она, затаив дыхание и чувствуя слабость в коленках. Он был так... так великолепен!

Бодвок не согласился с ней. Он подошел, прижал к себе Нуалу и наклонился, чтобы поцеловать ее. Нуала глубоко вздохнула и обмякла, почувствовав, как его губы прижались к ее губам. Она чуть не упала, когда он нежно освободил ее от своих объятий. Девушка выпрямилась. Ее обычно бледное лицо стало краснее, чем у всех наблюдавших за этой сценой бегунов, включая хохотавшего брата.

– Нуала? – произнесла Кейлин низким голосом.

Голос кузины привел Нуалу в чувство. Отступив, она изо всей силы ударила Бодвока.

– Я не говорила, что разрешаю целовать меня, дурак! – крикнула она и убежала.

– Она любит меня! – воскликнул Бодвок и повернулся к Корио: – Скажи своему отцу, что я хочу взять в жены Нуалу! – выпалил он и поспешил вдогонку за

убегающей девушкой.

Толпа разошлась. Кейлин посмотрела на Корио.

– Она хочет быть с ним?

– Бодвок нравится Нуале уже несколько лет, а теперь ей четырнадцать. Возраст вполне подходящий, чтобы стать женой. Они хорошая пара. Ему восемнадцать лет, и он крепкий парень. У них родятся красивые дети, Кейлин. Теперь нам надо найти мужа и для тебя, кузина. Не думаю, что ты можешь считать меня подходящим претендентом, верно? – Какое-то мгновение он с надеждой смотрел в ее глаза, и Кейлин ощутила, к своему удивлению, что ее кузен Корио испытывает к ней чувства, которые, если поощрить их, могут перерасти в любовь.

– О, Корио! – воскликнула она и взяла его за руку. – Я люблю тебя, но моя любовь – это любовь сестры к брату. Не думаю, что когда-нибудь она станет чем-то большим. – Кейлин обняла его. – В этот период моей жизни мне больше нужен друг, а не муж. Будь моим другом.

– Такой красивой девушки я никогда не видел, а она хочет стать только другом, – сказал Корио печально. – Я, наверное, прогневал богов, и поэтому они ниспослали мне такое несчастье.

– Ты самый милый брат, – рассмеялась Кейлин, – и я совсем не переживаю за тебя. Твоя дорога усеяна разбитыми сердцами!

В этот вечер Кейлин получила представление о предках добунни. Ее дед встал перед собранием всех добунни в своем зале и начал рассказывать историю кельтского племени. Рядом с ним играл молодой музыкант, мелодия, в зависимости от рассказа, звучала то нежно, то неистово. Сира и Маеве суетились в зале, следя за тем, чтобы гостям было удобно, а младшая жена Берикоса Бриджит гордо сидела на возвышении у всех на виду.

Прожив три месяца среди добунни, Кейлин редко видела Бриджит и никогда не разговаривала с ней. Бриджит была красива холодной красотой, у нее была безупречная мраморная кожа, серебристые глаза и черные-черные волосы. Она держалась в стороне, считая, что ей ничего не надо, кроме покровительства ее

пожилого мужа.

– А когда он умрет, что с ней будет? – как-то спросила Сира.

– Она найдет другого старого дурака, – сухо ответила Маеве. – Ни один молодой мужчина не возьмет ее, ведь у нее нет сердца. А какой-нибудь старик может обмануться, решив, что ему будут завидовать, поскольку он обладает такой красивой молодой женой.

...Через несколько дней после праздника Лага собрали последний урожай. В садах сняли яблоки и груши. Поля вспахали и засеяли озимой пшеницей. Кейлин выкопала морковь, репу и лук для зимних заготовок.

– Капусту оставь, – посоветовала Сира. – Пока нет опасности сильных морозов, в огороде ей будет лучше. А чечевицу всю надо собрать, детка. Я хочу сама посушить ее и положить на хранение.

– Присмотри за Кейлин, когда меня не станет, – сказала Бренна Сире как-то днем. – Все, кого она любила, покинули ее. Она храбрая девочка, но я слышу, как она плачет по ночам, думая, что я сплю. Она очень страдает.

– А почему не Маеве? – спросила Сира. – Она ведь твоя сестра.

– Маеве все еще сходит с ума по Берикосу, – ответила Бренна, – и, кроме того, Кейлин все время проводит с тобой, Сира. Она относится к Маеве с уважением, но доверяет и любит тебя. Обещай, что присмотришь за ней, моя дорогая старая подруга. Мое время уходит с каждым часом, но я не могу спокойно покинуть этот мир, пока не буду уверена, что у Кейлин есть хороший друг и защитник.

– Когда ты уйдешь через врата смерти, я буду опекать Кейлин как собственную внучку, – пообещала ей Сира. – Клянусь Лагом, Дану и Махой. Можешь спать спокойно, я сдержу свое слово.

– Я верю, – сказала Бренна с явным облегчением.

Бренна умерла в канун Нового года, через шесть месяцев после ранения. Она легла спать и не проснулась на следующее утро. Кейлин вместе с Сирой и Маеве

обмыли тело и приготовили его для погребения. Кейлин и ее бабушка почти ничего не имели. Однако рядом с телом Бренны уложили разрисованные горшочки и бронзовые сосуды для еды и питья, немного ювелирных изделий, мех, одежду и другие вещи, которые нужны женщине согласно обычаю, учитывая, что она должна быть похоронена, как подобает жене вождя.

Бренну похоронили за несколько часов до захода солнца, когда должен был начаться Новый год. Музыкант играл печальную мелодию, в то время как присутствующие медленно шли за телом. Берикос сопровождал свою жену к месту ее последнего успокоения вместе с другими членами семьи. Даже Бриджит присутствовала среди официальных плакальщиц. Как всегда, она старалась быть в центре внимания Берикоса.

– Неужели Бренна не могла подождать наступления Нового года? – ныла она на ухо мужу.

– Мне кажется вполне нормальным, что Бренна выбрала этот последний день года, чтобы закончить свое существование здесь и уйти через ворота смерти, – резко ответил Берикос.

– А праздник сегодня вечером накрылся крышкой гроба, – сказала Бриджит.

Сира видела, что происходит, но не могла вмешаться. Кейлин повернулась и встала прямо перед Бриджит, не давая ей двигаться дальше.

– Как ты смеешь так непочтительно говорить на похоронах моей бабушки? – спросила она. – Так катувеллони учат своих дочерей вести себя? Моя бабушка была добродетельной и порядочной женщиной. Все, кто был с ней знаком, уважали ее. А ты заботишься только о себе и своих желаниях!

– Кто эта... эта девчонка? – сердито спросила Бриджит мужа.

– Моя внучка Кейлин, – ответил он. – Внучка Бренны.

– А, беспородная сучка! – усмехнулась Бриджит.

– Я не беспородная! – гордо заявила Кейлин. – Я британка. Не думай, что твоя кровь такая чистая, Бриджит из племени катувеллони. Мне рассказывали, что легионеры распахали немало борозд у женщин вашего племени. Твой римский нос выдает тебя. Удивляюсь, что мой дед не заметил этого, хотя он так одержим своей страстью к тебе, что ничего не видит, кроме пары больших сисек и крепких ягодич.

– Ты позволяешь ей говорить со мной таким тоном, Берикос?! – воскликнула Бриджит, покраснев от возмущения.

– Она права, Бриджит. Ты непочтительна к смерти, а я одержим страстью к тебе, – ответил Берикос, усмехнувшись.

– Ее следует наказать! – настаивала Бриджит.

– У тебя хватит храбрости попытаться, катувеллонка? – парировала Кейлин. – Нет, не хватит! Ты прячешься за спину моего деда и хнычешь, когда что-то не выходит по-твоему. Все знают, кто ты – игрушка для безрассудного старика, чья страсть сделала его посмешищем. Что ты будешь делать, Бриджит из племени катувеллони, когда Берикос сам помрет? Найдешь другого старика, чтобы соблазнить его своей юностью и смазливой мордашкой? Но твоя молодость не вечна!

Лицо Берикоса потемнело от гнева.

– Замолчи, Кейлин! – приказал он. – Я полагал, что сегодня мы пришли похоронить Бренну, а я слышу ее голос из твоих уст. Как будто это она укоряет меня. Ты говоришь об уважении, а где же твое уважение к Бренне, если ты вот так прерываешь ее похороны? А сейчас успокойся, девчонка! Сегодня я не хочу больше слышать ни одного твоего слова.

Кейлин посмотрела на него вызывающе, но промолчала. Бриджит, однако, разразилась слезами и убежала, а обе ее служанки последовали за ней.

– Только боги знают, чего мне это стоит, – сквозь зубы проворчал Берикос, обращаясь к Сире и Маеве. – Может быть, мне наказать девчонку?

– Гнев Кейлин – это отражение ее боли, Берикос, – мудро заметила Сира. – Вспомни, всего шесть месяцев назад вся ее семья была жестоко, предательски истреблена. Только Бренна уцелела, и Кейлин жила ради Бренны. Она так заботилась о ней.

– Кейлин считала, что моя сестра – это все, что у нее осталось, – добавила Маеве. – Теперь Бренна тоже ушла. Кейлин удручена одиночеством. Кайна была хорошей женой и матерью. Они жили дружной семьей.

– Да, – сказала Сира. – Подумай, Берикос, как бы ты себя чувствовал, если бы все, кого ты любишь и кем дорожишь, вдруг исчезли и ты остался один? Для Кейлин никто никогда не заменит тех, кого она потеряла, но мы должны помочь ей смириться со своей судьбой и начать новую жизнь.

– Девчонке следует научиться придерживаться свой язык, – ответил Берикос, все еще уязвленный грубыми словами внучки. – Ты должна получше обучить ее манерам добунни. В следующий раз я накажу ее, – пригрозил он, посмотрев туда, где на некотором расстоянии от них, у могилы Бренны, стояла скорбная фигура девушки. Затем Берикос покинул обеих жен, направившись в зал, где вскоре должен был начаться праздник Нового года.

Сира в отчаянии покачала головой.

– Они так похожи, – сказала она. – Кейлин может быть такой же прямолинейной, как Бренна, но упряма, как Берикос. Они опять столкнутся, можешь не сомневаться.

– А Бриджит попытается как-нибудь отомстить, – беспокоилась Маеве. – Еще ни разу не бывало так, чтобы ее публично оскорбили и чтобы при этом Берикос не защитил ее, показав явное пренебрежение.

В этот вечер Кейлин помогала Сире готовиться к Новому году. Бриджит, учитывая положение мужа, оделась с особой тщательностью. Ее алая туника была вышита золотом у ворота и на рукавах. На тонкой шее красовалось изящное золотое ожерелье, отделанное филигранью и покрытое красной эмалью. В ушах – жемчужные серьги. Длинные черные волосы распущены и схвачены вокруг лба лентой, украшенной золотом и жемчугами. Она следила за своей противницей, обдумывая план мести. Все, что приходило ей в голову, не

устраивало ее. Очевидно, момент неподходящий, но, когда он придет, она, конечно, будет знать, что делать. А пока она привяжет к себе Берикоса так крепко, что он будет согласен со всем, что бы она ни пожелала, и тогда наступит время для мести.

Берикос, стараясь умаслить свою молодую жену, сказал:

– Я хочу поделиться с тобой секретом, Бриджит. – Он наклонился к ней поближе и почувствовал возбуждающий аромат, который исходил от нее.

– Расскажи мне, – шепнула она, соблазнительно надув красные губки, – а потом я открою тебе свой секрет.

– Я послал в Саксонию за воином, чтобы он приехал и поучил наших мужчин военному искусству, которое они подзабыли. Если все произойдет так, как я задумал, следующим летом мы сможем вернуть земли добунни, захваченные римлянами. Легионы ушли и больше не вернутся, а после них остались только крестьяне да толстые торговцы. Мы уничтожим их. Они думают, кельтские племена поставлены на колени, но мы докажем им, что это не так, Бриджит. Мы вернем все, что нам принадлежит, мечом и огнем! Наш успех вдохновит других вернуть свои земли. Британия снова будет нашей. Все будет как в старые времена, моя красавица. А что ты мне скажешь?

– Помнишь цыган, которые приходили на праздник Лага? Так вот, одна моя служанка узнала от них секрет, как доставить тебе такое удовольствие, о котором ты никогда не мечтал, мой господин. – Ее голос затих, а его сердце учащенно забилося. – Все это время я старалась в совершенстве научиться этому приему и наконец овладела им. Этой ночью я покажу тебе. Не пей лишнего, Берикос, или мои усилия пропадут даром. – И она призывно облизнула губы.

Он отодвинул бокал в сторону.

– Пойдем сейчас, – сказал он.

– Но если ты уйдешь, праздник может закончиться, – слабо запротестовала она. – Еще рано, Берикос. Давай немного подождем, прошу тебя.

– Новогодние костры догорели, – ответил он. – Однако мой костер горячо пылает для тебя, Бриджит, жена моя.

– Не торопись, мой господин. – Бриджит победно улыбнулась. – Не лучше ли немного подождать? – Она крепко поцеловала его в губы.

– Сегодня днем моя внучка намекнула мне, что я уже не юноша, – мрачно заметил Берикос. Он встал и потянул Бриджит за собой: – Пойдем! Ночь близится к концу.

Они покинули зал, и Сира с горечью улыбнулась:

– Бриджит напоминает нам еще раз, кто управляет старым жеребцом, ведущим за собой это стадо.

– Интересно, что она сделала, чтобы заставить его уйти так рано? – спросила Маеве.

– Предложила поиграть в любовные игры, можешь не сомневаться, – ответила Сира. – У него всегда был зверский аппетит на женскую плоть. Желание у него, конечно, большое, но что он может сделать со своим возрастом?

– В тебе говорит ревность, – изумилась Маеве.

– А в тебе? – сказала Сира. – Я, может быть, считаюсь старой женщиной в силу моих лет, но почему бы моим желаниям не быть такими же горячими, как у Берикоса? Я бы не возражала, если бы он пришел в мою постель сейчас или потом. Он всегда был хорошим любовником.

– Да, был, – согласилась Маеве. – А сейчас, поскольку мы постарели, никто нами не восхищается и не попросит разрешения Берикоса разделить с нами постель. Так одиноко!

– Вспомни, когда мы были помоложе, – сказала Сира, – Берикос так гордился тем, что другие мужчины, приезжавшие с визитом, желали его жен. Ему всегда доставляло огромное удовольствие проявлять свое гостеприимство в наших постелях. Но и он имел свою долю у прибывших женщин. Помнишь, как трое

вождей из соседних племен приехали заключать договор и прельстились нами?

Маеве засмеялась, вспоминая:

– Да! Они прибыли одни, чтобы никто не знал об их приезде. Берикос постарался предложить нас, а сам остался без пары на ночь. У Бренны скоро должна была появиться Кайна, и она не могла быть с ним. А остальные женщины были его родственницами. О, как давно это было!

– Да, очень давно, – подтвердила Сира. – Старые обычаи отмирают, сейчас мужчины не хотят делить с кем-либо своих женщин, как раньше. Это плохо, не правда ли? Можно предохраниться от нежелательной беременности, однако ребенок от благородного мужчины всегда считался даром Божьим. Должна признать, что теперь редко появляется возможность получить удовольствие от разнообразия.

С приближением зимы дни становились короче. Солнце вставало позже, а садилось, если сравнивать с летом, примерно в середине дня. Сира и Маеве решили навестить своих сыновей и внуков в других деревнях, прежде чем выпадет снег. Когда они собрались в деревню, где жила семья Бодвока, к ним присоединилась Нуала.

– Ты идешь только потому, что там сможешь переспать с ним, – поддразнивала Кейлин свою кузину. – Ты что, хочешь заиметь большой живот до будущего праздника костров? (Праздник костров был традиционным временем бракосочетаний среди кельтских племен.)

– Если у меня появится большой живот и мы в конце концов поженимся, больше всех будет рад Бодвок и его семья. Они поймут, что я плодородное поле, а у Бодвока хорошие семена. У наших людей, Кейлин, это не считается позором. У британцев не так, верно? Твоя кровь перемешана, но я думала, ты последуешь обычаям добунни.

– Мы соблюдаем многие обычаи кельтских народов, Нуала, – сказала Кейлин, – но у римлян девушки вступают на брачное ложе девственницами. Кажется, британцы также придерживаются этого обычая.

– Жаль, – заметила Нуала. – Как же можно доставить удовольствие своему мужу, если не знаешь, как это делается? – Затем ее голубые глаза расширились от неожиданного открытия. – У тебя никогда не было мужчины, Кейлин? – спросила она, потрясенная. – Даже Корио? О, когда я вернусь от Бодвока, я найду способ убрать пробел в твоём образовании, дорогая кузина. Конечно, очень хорошо уметь читать, но женщина должна знать намного больше, чтобы доставить удовольствие мужчине в постели.

– Не думаю, что мне хочется спать с женщиной, – заявила Кейлин.

– Весной тебе исполнится шестнадцать, кузина, – сказала Нуала. – Я расскажу тебе все, что надо знать, а потом мы найдем хорошего мужчину для практики. Бодвок вполне подойдет!

– Но ты же собираешься выйти замуж за Бодвока! – возбужденно воскликнула Кейлин.

– Я не ревнива. К тому же ты не любишь его. Он изумительный любовник, Кейлин. Просто превосходный для первого раза! Уверена, он будет счастлив помочь нам в этом деле.

– Не знаю, смогу ли я сделать это, Нуала. Я воспитывалась не так свободно, как ты. Это не по мне, – сказала Кейлин.

– Когда двое по взаимному согласию занимаются любовью, мы не считаем это чем-то плохим, – пояснила Нуала. – Нет вреда в том, чтобы давать и получать удовольствие. Твоя мать, конечно, была уже не девственницей, когда выходила замуж за твоего отца. – Она похлопала по плечу свою явно огорченную кузину. – Мы поговорим с тобой об этом, когда я вернусь из деревни Карвилиуса.

Мать Кейлин никогда не говорила ей такие вещи. И Бренна никогда не рассказывала об этом. В то время как многие девушки ее возраста, и даже моложе, вели разговоры о таинствах любви, Кейлин не проявляла особого любопытства. Ни один мужчина не был для нее достаточно привлекательным, чтобы возбудить ее интерес. Она выросла, у нее появились маленькие упругие груди два года назад, но она никогда не считала, что должна вести жизнь взрослой женщины. И вот теперь оказалось, что должна.

Сира и Маеве проявили особое старание в поисках мужа для нее. Их цель была известна: ей нужен защитник. Берикос едва терпит Кейлин и при первой возможности постарается избавиться от нее. У Кейлин больше нет семьи. Правда, Сира и Маеве присматривали за ней, но мало ли что может случиться в их отсутствие?

– Держись подальше от деда, когда мы уйдем, – предупреждала Сира в день отъезда. – Бриджит все еще хочет отомстить тебе, и она попытается, особенно когда здесь никого не будет, чтобы защитить тебя. Ты уверена, что не хочешь пойти с нами, детка? Тебя с радостью встретят.

Кейлин покачала головой:

– Вы так добры, но мне надо побыть наедине со своими мыслями. У меня не было времени с той поры, как я появилась здесь. Я постараюсь не попадаться на глаза Берикосу, обещаю тебе, Сира. Я не хочу, чтобы он отрекся от меня, как от моей матери. Она по крайней мере ушла к моему отцу, а мне куда идти?

– Не беспокойся, рабы заготовили ему мясо впрок, они хорошие работники. У тебя не будет проблем с готовкой. Желудок и член – вот главное в его жизни сейчас. Ты позаботишься о желудке, а Бриджит – об остальном, – наставляла ее Сира с брезгливым выражением лица.

Кейлин засмеялась:

– Если бы Берикос слышал тебя, он сказал бы, что ты говоришь, как Бренна. Я уверена. Не беспокойся, я буду следить за рабами как надо.

Два дня все шло хорошо, а утром третьего дня в зал вошла возбужденная Бриджит.

– Где Сира? – спросила она у Кейлин, которая в одиночестве работала за ткацким станком.

– Ушла два дня назад навестить своих сыновей, – вежливо ответила Кейлин. – Разве вы не знали, госпожа?

– Знала? Откуда мне знать? Кто-нибудь говорил мне об этом? – возмущалась Бриджит. – Тогда Маеве! Найди Маеве! – потребовала она возбужденно.

– Маеве тоже ушла, – ответила Кейлин.

– О боги! Что мне делать? – вскричала Бриджит.

Кейлин с трудом сдерживалась. Казалось, Бриджит искренне расстроилась. Неожиданно для самой себя Кейлин услышала свой голос:

– Могу я чем-нибудь помочь, госпожа?

Голубые глаза Бриджит сузились, и она, задумавшись, посмотрела на Кейлин.

– Ты умеешь стряпать? – спросила она наконец. – Можешь приготовить небольшой праздничный стол сегодня вечером? Берикос принимает важного гостя. Мы должны быть особенно гостеприимны. – Она покраснела и затем призналась: – Я не умею стряпать, во всяком случае, не могу приготовить нужные блюда.

– Я хорошо готовлю и с помощью рабов подам ужин, достойный важного гостя, госпожа, – сказала Кейлин.

– Тогда сделай это! – жестко приказала Бриджит. – И получше, сучка, или в этот раз я скажу твоему деду, чтобы он наказал тебя за твою наглость. Сейчас никто не защитит тебя. – Она повернулась и поспешно вышла из зала, шурша полами своего желтого платья.

«Мне надо было уйти с Сирой и Маеве, – подумала Кейлин. – Тогда бы ей не поздоровилось. Можно представить, что в этом случае подумал бы Берикос о своей красивой молодой жене! Неблагодарная сука! Я, конечно, все сделаю, но только ради Сиры, она так добра ко мне».

Кейлин поспешила на кухню, которая располагалась сразу за залом, дала указания слугам приготовить густую похлебку из чечевицы с бараниной и стала наблюдать, как рядом на вертеле на медленном огне жарится говядина. На углях тушились капуста, репа и лук. Свежие булки, испеченные днем, были

хороши с маслом и сыром. Кейлин вытерла до блеска дюжину яблок и красиво уложила их в отполированную медную вазу. В зале она поставила их на стол для гостей, похвалив юную рабыню, которая только что закончила натирать его воском. Огромный стол был гордостью и радостью Сиры. Она упивалась тем, что в других залах столы изношенные и исцарапанные ножами и бокалами, а в ее зале стол сиял как новый. Рабыня принесла тяжелые медные подсвечники.

– Хозяйка всегда ставит их для важных гостей, – сказала она.

Кейлин поблагодарила девочку и поставила подсвечники на стол. Затем взяла у служанки большие толстые свечи и осторожно насадила их на металлические шипы. Потом отошла и улыбнулась. Стол выглядел так, как будто его накрывала Сира. У Берикоса не будет причин для недовольства.

Внезапно Кейлин ощутила, что кто-то наблюдает за ней. Она обернулась и, оглядев зал, увидела высокого мужчину. Даже на расстоянии Кейлин поймала его дерзкий взгляд.

– Кто это? – спросила она рабыню.

– Это гость вашего деда, – прошептала девочка. – Саксонец.

Кейлин повернулась и спустилась с помоста. Не торопясь, она подошла к мужчине.

– Что я могу сделать для вас, господин? – вежливо спросила она, даже не подумав, говорит ли он на латыни.

– Я хотел бы попросить разрешения посидеть у вашего огня, госпожа, – последовал ответ. – День сегодня холодный, а мне пришлось проделать длинный путь.

– Конечно, идите к огню, – ответила Кейлин. – Я принесу вам бокал вина, хотя вы, наверное, предпочитаете пиво.

– Благодарю за вино, госпожа. Могу я спросить, с кем имею честь разговаривать? Я не хотел бы никого обидеть в этом доме.

– Я Кейлин Друзас. Извините за столь скромный прием, но госпожа Сира, хозяйка этого дома, отправилась навестить своих внуков до того, как выпадет снег. Мы не знали о вашем приезде, иначе она бы не уехала. Хорошо ли позаботились о вашей лошади, господин? – Кейлин налила немного вина в серебряный бокал, украшенный темно-зелеными агатами, и протянула его огромному саксонцу. Раньше она никогда не видела таких больших мужчин. Он был даже больше, чем кельты, которых она знала. Его одеяние отличалось от привычной ей одежды: красные штаны и темно-синяя туника, из которой его грудь грозила вырваться наружу при каждом вдохе.

– Благодарю вас, о моей лошади позаботились слуги вашего деда. – Он осушил бокал и вернул его с ослепительной улыбкой. У него были крупные, изумительно белые зубы.

– Еще? – вежливо спросила девушка. «Ах, какие у него красивые золотистые волосы», – подумала она. Прежде Кейлин никогда не видела волос такого цвета.

– Нет, пока достаточно. Благодарю вас. – Ослепительно синие глаза, синие, как летнее небо, смотрели на нее.

Кейлин покраснела. Этот человек тревожил ее.

– Вульф Айронфист[1 - Железный кулак.], – представился он.

– Ваше имя звучит очень грозно, господин, – ответила она.

Он по-мальчишески усмехнулся.

– Меня начали так звать, когда я был еще подростком, потому что мог разбивать орехи одним ударом кулака, – сказал он посмеиваясь. – Позже, однако, я получил другое имя, когда вступил в легионы цезаря в Рейнских землях, где я родился.

– Вот почему вы говорите на нашем языке! – вырвалось у Кейлин, и она опять покраснела. – Простите, я слишком несдержанна, – смутилась она.

– Нет, – сказал он. – Вы прямолинейны и честны. В этом нет ничего неприличного, Кейлин Друзас. Мне это нравится.

Ее щеки запылали, когда его губы произнесли ее имя, но любопытство было сильнее застенчивости.

– Зачем вы приехали в Британию? – спросила она.

– Мне сказали, в Британии есть перспектива. Земля! На моей родине остался никем не востребованный небольшой участок. Я провел десять лет в легионах, а теперь хотел бы осесть, заняться земледелием на своей собственной земле и растить детей.

– Вы женаты?

– Нет. Сначала земля, а потом жена или две, – заявил он, не скрывая своей практичности.

Кейлин застенчиво улыбнулась и подумала, что саксонец – самый красивый мужчина, которого она когда-либо видела. Затем, вспомнив о своих обязанностях, она сказала:

– Вы должны извинить меня, господин. Так как госпожа Сира ушла, кухня поручена мне. Мой дед очень беспокоится по поводу еды и любит ее с пылу с жару. Оставайтесь у огня и устраивайтесь поудобнее. Я послала за Берикосом, чтобы сообщить ему о вашем прибытии.

– Благодарю вас за доброту и гостеприимство, госпожа.

Кейлин поспешила из зала и послала первую попавшуюся служанку за хозяином. Затем вернулась на кухню проследить за последними приготовлениями к обеду, попросила приготовить кувшины с вином, пивом и медом для вечернего застолья. Она попробовала похлебку и приказала повару добавить еще немного чеснока. Говядина шипела на огне, издавая аппетитный запах.

– Я послала человека к реке проверить сети, маленькая хозяйка, – сказала ей повариха. – Он обнаружил двух прекрасных жирных окуней. Я нафарширую их зеленым луком и петрушкой и зажарю на углях. Пусть будет лучше больше, чем меньше. Мне говорили, что саксонец-гигант долго путешествовал верхом. Думаю, он хочет есть.

– Этого хватит, Орна? – беспокоилась Кейлин. – Берикос разозлится, если решит, что мы не уважили гостя. Я никогда раньше не готовила для такой важной персоны и не хочу опозорить Сиру и всех добунни.

– Хватит, хватит, маленькая хозяйка, – успокоила девушку краснощекая повариха. – Вы приготовили ужин на славу. Прекрасная густая похлебка, говядина, рыба, овощи, хлеб, сыр и яблоки. Это очень хорошая еда.

– А окорок у нас есть? – громко поинтересовалась Кейлин и, когда пухлая Орна кивнула утвердительно, сказала: – Тогда надо получше подать его. Да, и сварить еще дюжину яиц. А груши! Я положу их с яблоками. И пожалуйста, позаботься, чтобы было побольше хлеба, Орна.

– Я прослежу за этим, – сказала Орна. – А теперь идите и наденьте свое самое лучшее платье, маленькая хозяйка. Вы намного красивее, чем катувеллонская женщина. Сегодня вечером вы должны сидеть за столом с вашим дедом на месте госпожи Сиры. Поспешите!

4

Кейлин оставила кухню и вернулась в зал. Сначала она не думала идти к деду и его гостю. С тех пор как Сира и Маеве уехали, Кейлин ела на кухне. Тем более Бриджит не понравится, если она появится в их компании в этот вечер, но пусть Бриджит катится ко всем чертям, решила Кейлин. Орна права. Она должна занять место Сиры. Кейлин поспешила в свою спальню, чтобы переодеться. К удивлению, там ее ожидал небольшой тазик с теплой водой. Она улыбнулась. Слуги, конечно, солидарны с ней в ее неприязни к Бриджит и выражали эту солидарность стремлением помочь ей затмить молодую жену Берикоса.

Кейлин сняла тунику и отложила ее в сторону. Открыв небольшой сундучок, она достала свое лучшее платье из светлой шерсти, окрашенной смесью вайды и краппа. Роскошный пурпурный цвет производил потрясающее впечатление. Ворот и манжеты рукавов были вышиты золотом и серебром. Сира дала ей это платье на праздник Лага, но Кейлин ни разу не надевала его. Она тщательно вымылась кусочком мыла с ароматом жимолости. Положив в сундучок тунику, которую она носила каждый день, Кейлин надела пурпурное платье поверх

льняной рубашки. Корио сделал ей гребень из грушевого дерева. Кейлин улыбнулась, когда закалывала им копну своих густых рыжих локонов. Ее голову украшала скромная лента с жемчужинами и кусочками пурпурного кварца – подарок Маеве в день Лага.

Услышав голос деда, Кейлин поспешно покинула свою спальню и сделала знак слугам подавать еду. Она заняла свое место за столом, вежливо поклонившись Берикосу, который лишь слегка наклонил голову в ее сторону. Когда Бриджит открыла рот, чтобы выразить недовольство присутствием Кейлин, Берикос свирепо посмотрел на жену, и та заткнулась, так и не произнеся ни единого слова. Кейлин прикусила губы, чтобы не рассмеяться. Она понимала: это совсем не значит, что Берикос полюбил ее; просто старик достаточно умен и понимает, что Бриджит не может управлять слугами. А Кейлин, он узнал от Сиры, может.

Бриджит села между мужем и его гостем. Она кокетничала с Вульфом Айронфистом, что, по ее мнению, должно было способствовать успешному выполнению планов Берикоса. Молодой саксонец отвечал вежливо и был весьма поражен женой хозяина. Он слышал, что кельты гостеприимный народ, но жена есть жена. То и дело его пристальный взгляд останавливался на Кейлин, молчаливо сидевшей по другую сторону от Берикоса. Она только иногда давала указания слугам и, он видел, очень хорошо управляла ими. Она будет хорошей женой кому-то. Почему-то ему показалось, что она еще не замужем. Кейлин выглядела такой невинной, чувствовалось, что она еще девушка.

Бриджит заметила, как красивый саксонец посматривает на внучку ее мужа. В ее голове стал созревать коварный план. Она так терпеливо выжидала несколько недель подходящего момента, чтобы отомстить Кейлин Друзас! Сейчас этот момент настал. Кейлин опозорила ее публично перед всей деревней, и, что хуже всего, Берикос отказался наказать девчонку. Как эти две старые вороны, Сира и Маеве, злорадствовали, защищая Кейлин от ее гнева, но сейчас они далеко. Бриджит ненавязчиво наполняла и наполняла бокал мужа, сначала густым красным вином, потом медовым. Берикос мог много выпить, но все же в последнее время стал сдавать.

На стол поставили дымящуюся горячую похлебку, говядину, ветчину и рыбу. Затем принесли тарелки с овощами, сыр и хлеб. В порыве великодушия Берикос одобрительно кивнул своей внучке. Не отставая от старика, саксонец ел и пил бокал за бокалом, пока наконец со стола не убрали еду и не начался серьезный деловой разговор.

– Если я обучу ваших юношей и поведу их, Берикос, что вы дадите мне со своей стороны? – спросил Вульф Айронфист. – После десяти лет в легионах я могу научить ваших кельтов воевать не хуже римлян. Римляне имеют самую лучшую в мире армию. Мои знания очень ценные. Я должен получить взамен не меньше.

– Что вы хотите? – проворчал старик.

– Землю, – последовал простой ответ. – Мне надоела война, но я сделаю это для вас, если вы дадите мне в собственность землю.

– Нет, – сказал Берикос. – Только не землю! Я хотел бы прогнать всех римлян и других иноземцев из Британии, чтобы земля опять принадлежала моему народу. К чему же еще мне стремиться на старости лет?

– Единственными иноземцами в Британии сейчас являемся мы, саксонцы, – усмехнувшись, ответил Вульф Айронфист. – Истинные римляне давно ушли отсюда, а те, кого вы называете римлянами, на самом деле британцы, Берикос. Их кровь перемешана с такой же, как у вас, кельтской, и многие поколения уже больше не иноземцы. Если вы хотите стать королем этой страны, я помогу вам в обмен на землю и буду верен вам, но идея изгнать из Британии всех, в ком не чистая кельтская кровь, безрассудна и невыполнима.

– Но если я добьюсь успеха, – настаивал Берикос, – другие племена – катувеллоны, айсени, силюры – присоединятся ко мне. – В порыве он опрокинул бокал, но Бриджит быстро поставила и наполнила его. Берикос выпил.

– Нет, не присоединятся. Они привыкли к мирной жизни, – сказал саксонец. – Они не хотят войны. Вы продолжаете жить в другом веке, Берикос. Времена изменились, они меняются даже сейчас, когда мы сидим и беседуем. Теперь мы, саксонцы, проникаем в Британию. В следующие пятьдесят лет эта земля станет родиной для наших потомков. После нас придут другие люди, они также растворятся, смешаются с британцами и станут коренными жителями. Так устроен мир: одно племя завоевывает другое, смешивая кровь, – и появляется другой народ. Вы должны принимать это, потому что ничего не можете изменить, Берикос, как не можете изменить фазы Луны или времена года. Я обучу ваших кельтов военному искусству, вы станете самым сильным военачальником в этой стране, но за это вы должны дать мне в собственность землю. Может быть, я найду себе жену или даже двух среди ваших женщин. Это

справедливое предложение, Берикос.

Берикос ничего не ответил саксонцу. Он сидел молча, размышляя про себя, никак не желая расставаться со своей мечтой. До сих пор никто, кроме Сиры, не осмеливался говорить ему, что его планы невыполнимы. Тогда не надо было посылать за саксонским воином, чтобы учить его людей сражаться, потому что кельты славились своей воинской доблестью. Однако сейчас он видел, что люди его племени растут изнеженными. Они с удовольствием обрабатывают земли, содержат коров и овец. Вот что Рим сделал с ними. Отнял у них мужество.

Он слышал, что в Ирландии кельты по-прежнему оставались настоящими мужчинами. Они жили, чтобы сражаться с врагами. Может быть, ему следовало послать за ирландцами, чтобы закаленные в боях воины повели за собой добунни. Он потянулся опять за бокалом и глотнул медового вина, которое подлила Бриджит. Оно оказалось крепким, обжигающим. Он выглядел усталым и озадаченным. Его катувеллонская родня со стороны жены проживала ближе к саксонскому берегу юго-восточной Британии. По его просьбе они нашли уважаемого воина среди саксонцев, и Вульф Айронфист прибыл с лучшими рекомендациями. Однако Берикоса не устраивало предложение саксонца.

Бриджит наклонилась и тихо прошептала мужу на ухо:

– Мы можем склонить саксонца на свою сторону, если наберемся терпения, господин. Давай предложим ему традиционное кельтское гостеприимство. Мы пошлем к нему красивую женщину согреть постель. Не настоящую добунни, а твою внучку, Кейлин Друзас. Мы не должны позволять ни одной из наших женщин смешивать свой сок с саксонским. Кейлин не такая, как мы, не так ли, Берикос?

Он покачал головой и тихо пробормотал:

– Но какое удовольствие может доставить ему эта маленькая нечистокровная сучка? Она ведь девственница.

– Тем более ее следует отдать саксонцу. Право первой ночи считается особой привилегией у всех племен. Ты удостоишь чести саксонца, предоставив ему такое право с той, кто, по его мнению, одной крови с тобой.

Берикос хитро взглянул на молодую девушку, сидящую рядом с ним. Она, конечно, красива, подумал он с сожалением. Ее цветение неповторимо, и это особенно привлекает. Ничего, что она потеряет девственность. Скоро они найдут ей мужа, и Кейлин надо знать, как доставить удовольствие мужчине. Ни один мужчина не хочет иметь новобрачную, пугливую и неумелую в постели. Он повернулся к Вульффу Айронфисту:

– Мы уже достаточно поговорили на эту тему сегодня, мой юный друг. Не знаю, соглашусь ли я с тобой, но ты должен дать мне время подумать. Я не так стар, чтобы не менять свои убеждения, если надо. Давай поговорим об этом завтра утром. У нас есть обычай оказывать честь гостю, предоставляя ему одну из наших женщин, чтобы согреть постель. Я отдаю тебе мою внучку, Кейлин. Она разделит с тобой ложе в эту ночь, не возражаешь, девочка?

Если бы он ударил ее, Кейлин не была бы так удивлена. Затем она увидела улыбающуюся Бриджит и тотчас поняла, кто надоумил старика на этот шаг. Ей хотелось только одного: отказаться и убежать. То, что требовал Берикос, – немыслимо. Но потом, когда разум возобладал над эмоциями, Кейлин поняла, что отказ не только взбесит деда, но и поставит его в затруднительное положение, как и всех добунни. За всю свою жизнь она никогда не чувствовала себя такой одинокой. Самодовольно улыбающаяся Бриджит придумала, конечно, прекрасную месть. Она знала, что в отличие от кельтов британцы римского происхождения сохраняли своих дочерей невинными до замужества. Вот почему муж, которого они собирались найти для нее, должен быть кельтом. Он не будет считать недостатком потерю девственности. У нее не осталось выбора.

– Ну что, девочка? – В голосе старика слышалась угроза.

– Как скажете, Берикос, – ответила она, глядя прямо в глаза старику, пока он сам не отвел взгляд. Никогда в своей жизни она не была так напугана, но Бриджит не должна знать об этом.

– Хорошо, хорошо, – проворчал он и повернулся к своей жене. – Пора ложиться спать, Бриджит. Пожелай нашему гостю доброй ночи. Я скоро приду к тебе.

Улыбаясь, Бриджит поднялась из-за стола.

– Доброй ночи, Вульф Айронфист. Желаю вам много удовольствий, – хихикнула она. – Я буду ждать тебя с нетерпением, мой господин, – обратилась она к Берикосу и с сияющей улыбкой поспешно вышла из зала.

– Иди к себе в постель, Кейлин, – приказал ей дед. – А мы с Вульфом Айронфистом выпьем по последнему бокалу вина, пока ты ждешь его.

Кейлин поднялась и не спеша вышла из-за стола. Она ни слова не сказала на прощание Берикосу и красавцу саксонцу, сидящему с ним рядом. Берикос, несомненно, пошлет юношу к ней в постель через некоторое время. Она не знала точно, каких правил надо придерживаться в подобном случае. Лучше промолчать.

В спальне Кейлин открыла маленький сундучок, сняла платье и аккуратно положила его рядом с лентой. Надо ли снимать рубашку? Она понятия не имела об этом. Она никогда не видела родителей вместе в постели. Она абсолютно ничего не знала о том, что должно произойти между ней и Вульфом Айронфистом. Кайна никогда не обсуждала с дочерью такие вещи. Поскольку Кейлин не собиралась выходить замуж, с ней не говорили об интимных отношениях между мужчиной и женщиной. Ее близнецы-братья тоже скрывали от нее это, как и родители.

Лучше, наконец решила Кейлин, вести себя скромно. Она не спеша сняла мягкие домашние туфли и, также положив их в сундучок, закрыла его. Затем забралась в постель, которая помещалась в стенной нише.

Недавно набитый смесью душистого сена, лаванды, вереска и лепестков роз, матрац был мягок и благоухал. Чехол сшили из плотного льняного полотна, а сверху застелили его тонкой мягкой льняной тканью. Ложу покрывало одеяло из рыжей лисицы, которое согревало в самую холодную, сырую погоду. В небольшой нише над головой горел маленький масляный светильник, освещающий спальню. Кейлин сначала хотела уменьшить огонь, но потом решила оставить все как есть. Светильник заливал помещение мягким желтым светом. Ей нужна вся ее храбрость, чтобы встретить без страха то, что ждет ее впереди.

Вульфа Айронфиста проводила до спальни служанка. Усевшись на сундучок, он снял сапоги и аккуратно отставил их в сторону. Затем встал, снял тунику и штаны. Служанка, которая скрывалась в полумраке и видела его наготу, чуть не

упала в обморок. За всю свою жизнь она никогда не встречала такого мужчину! У него были широченные плечи и спина. Когда он повернулся, взору служанки открылись сильные мускулистые руки и гладкая загорелая грудь. Его ноги были подобны стволам деревьев, огромные, хорошей формы, покрытые золотистым пушком. Ее широко раскрытые глаза скользнули по его торсу, как у Тантала, и ниже, к его мужскому сокровищу, и губы ее сложились в маленькое «о!..» от почтенного восхищения. Девушка молча удалилась, завидуя молодой хозяйке, которая, конечно, получит сегодня ночью большое наслаждение от любви саксонца.

Вульф Айронфист развязал кожаный ремешок, стягивавший сзади его длинные волосы, и белокурые пряди упали на плечи. Неяркий свет освещал спальню. Приблизившись к ложу, он откинул меховое покрывало и улегся в постель. На какое-то мгновение ему показалось, что он один, потому что Кейлин прижалась к дальней стенке, спиной к нему, и сначала он не заметил ее. Хотя он видел, как она скромна, он ожидал более теплого приема. Он не нужен ей? Или она просто застенчива? Повернувшись к ней лицом, он протянул руку и откинул ее прелестные локоны. Затем, наклонившись вперед, горячо поцеловал ее в обнаженную шею.

– Твоя кожа подобна шелку, – сказал он восхищенно и нежно погладил ее рукой.

Кейлин, только слегка затрепетавшая от прикосновения его губ, теперь вся задрожала. Вульф Айронфист понял – что-то с этой девушкой происходит. Почему она так дрожит? Он почувствовал, что на ней надета рубашка. Ему стало неловко, но он отбросил свои сомнения. Надо попробовать еще раз.

– Ты не сняла рубашку, – произнес он тихо. – Позволь мне помочь тебе.

– Я не знаю, надо ли, – последовал невнятный ответ, и ему показалось, что она еще дальше отодвинулась от него, хотя он знал, что дальше двигаться некуда.

– Мне говорили, что кельтские девушки празднуют день матери-Земли, – сказал он, расстегивая и снимая рубашку с ее съежившегося от страха тела. Он бросил одежду на сундучок и снова повернулся к девушке. Ее фигура великолепна, а кожа изумительно прекрасна. Он нежно коснулся пальцами ее плеча, она вздрогнула.

– Ты не хочешь разделить со мной свое ложе, Кейлин Друзас? – тихо спросил он. – Мне сказали, что таков обычай вашего народа. В чем дело?

– Я не так воспитана. У нас в роду позорно незамужней девушке спать с мужчиной, Вульф Айронфист, но я обязана повиноваться желаниям деда. Всего несколько месяцев назад я опрометчиво сказала Берикосу, что, как только моя бабушка уйдет из этой жизни в другую, я покину добунни, что смогу сама о себе позаботиться. На самом деле я не могу защитить себя и не имею представления, как это сделать. Поэтому я должна подчиняться приказам Берикоса. А он не особенно ласков со мной. – Под конец ее голос слегка задрожал.

– Ты не добунни? Что за черт? – удивился Вульф.

– Моя мать – ребенок его третьей жены – была единственной дочерью Берикоса, – объяснила Кейлин. – Ее имя Кайна. Мне рассказывали, дед нежно любил ее, но отказался от нее, когда та вышла замуж за моего отца, чья семья берет начало от римского трибуна. Мне понравилось то, что ты сказал деду сегодня вечером о британцах. К сожалению, Берикос не понимает этого.

И Кейлин рассказала Вульфу Айронфисту, как она пришла в деревню Берикоса, как умерла ее бабушка несколько недель назад.

– Мне неплохо здесь, с народом моей матери. Они приветливы и добры ко мне. Но дед не может забыть, что в моих жилах течет и римская кровь, – закончила она.

– Госпожа Бриджит не любит тебя, – проницательно заметил Вульф.

– Нет, не любит. Это она все подстроила, но у добунни действительно есть обычай предлагать важным гостям женщин на ночь. Бриджит думает таким образом убить одним ударом двух зайцев. Отомстить мне и повлиять на вас, чтобы помочь деду и заслужить его благосклонность.

– Что ты думаешь о его планах по поводу Британии? – спросил Вульф Айронфист. Ему понравилась эта красивая и, очевидно, умная девушка еще с того момента, когда он увидел ее днем с вазой блестящих яблок. Он не хотел причинять ей боль.

– Я думаю, вы правы, господин, и Берикос обманывает себя, – сказала Кейлин искренне. – Вы поможете ему?

– Повернись, Кейлин Друзас, и посмотри на меня. Трудно разговаривать с твоей спиной, – ответил Вульф. В его низком голосе прозвучал намек на усмешку, когда он обратился к ней.

– Не могу, – призналась Кейлин. – Вы обнажены, верно? Я никогда не видела мужчину обнаженным... совсем обнаженным, – поправилась она, вспоминая борцов, которые развлекали гостей на празднике либералии.

– Я закроюсь одеялом, – пообещал он. – Тебе будут видны только мои руки, плечи и голова. Ты тоже можешь плотно завернуться, чтобы было удобно. Я не хотел бы смущать тебя, Кейлин Друзас, но предпочитаю видеть твое милое лицо, когда мы разговариваем. Здесь полумрак. А то мне кажется, я разговариваю с каким-то духом, – пошутил он.

Она надолго задумалась, а потом сказала:

– Хорошо, но не смотрите на меня так внимательно. Я не могу справиться со смущением. Все это совершенно ново для меня, хотя не так страшно, как я думала раньше. – Кейлин осторожно повернулась, прижав мех к своей груди. Он ободряюще улыбнулся, а она покраснела до корней своих темно-рыжих волос. – Так вы поможете Берикосу? – повторила она, едва сдерживаясь, чтобы не разразиться слезами, потому что страх неожиданно вернулся при взгляде на него, и сердце ее бешено заколотилось.

На секунду он увидел блеск ее глаз. Они были похожи на влажные фиалки. Затем ее ресницы быстро опустились, как темные порхающие бабочки, на бледные щеки.

– Кажется, Берикоса не устраивает моя цена, – ответил Вульф Айронфист.

– Земля, – сказала Кейлин, и неожиданно ей в голову пришла великолепная идея. – Меня устраивает ваша цена, господин, а в обмен я попрошу у вас только две вещи. Думаю, вы убедитесь, что моя сделка лучше.

– Вы дадите мне землю за то, чтобы я обучил и возглавил добунни? – спросил он, обескураженный ее предложением.

Кейлин засмеялась:

– Нет. Вы правы относительно шансов добунни возратить кельтским племенам их бывшее могущество – шансов нет. Но я должна отомстить человеку, который организовал убийство моей семьи и убил бы меня, если бы не случайность. Земли семьи Друзаса Кориниума по праву принадлежат мне как единственному уцелевшему члену этой семьи. Одна я не смогу ничего сделать, чтобы утвердить свои права. Мой кузен Квинт Друзас найдет способ убить меня, чтобы удержать то, что он украл. Но вы могли бы убить Квинта Друзаса ради меня, Вульф Айронфист. И если вы женитесь на мне, мои земли станут вашими, не так ли? Это гораздо лучше того, что предлагает мой дед. – Кейлин закончила, удивленная собственной смелостью, сделав такое предложение. Возможно, только сейчас она поняла, как жить дальше без добунни.

– Ваши земли плодородны? Достаточно ли там воды? – спросил он, удивленный тем, что тоже подумал о таком варианте. Почему бы нет? Он хотел стать землевладельцем, и ему нужна жена. Замысел девушки – прекрасное решение проблем.

– Наши земли плодородны, – уверила она, – и воды достаточно. Есть хорошие поля под зерно и луга для выпаса коров и овец. А наши прекрасные сады! Вилла моего отца сгорела, но мы можем построить новый дом. Рабы, принадлежавшие моему отцу, также станут моими. Берикос должен преподнести нам щедрый свадебный подарок, так полагается. Сира и Маеве проследят, чтобы это была хорошая доля.

Вульф Айронфист не стал долго думать. Ее предложение превосходно, и только дурак мог отказаться от него.

– Я согласен, – ответил он. – Я женюсь и тогда верну твои земли, Кейлин Друзас. Я даже помогу старому негодяю, твоему деду. До зимы мы будем вынуждены жить здесь. Несколько месяцев я буду обучать молодых добунни, тех, кто захочет изучить военное искусство. Окончательно мы проверим их мастерство, когда отберем земли у твоего кузена. Затем пусть ими командует Берикос. Если ты права относительно этих людей, они не пойдут за ним дальше границ своих

полей. – Он пристально посмотрел на нее: – Ты умница, ягненок! – Протянув руку, он приподнял ее лицо и быстро коснулся губами ее губ. – Мы не будем говорить твоему деду о наших планах. Я только скажу, что хочу взять тебя в жены.

– Он не откажет вам в этом, – сказала она, чувствуя, как краска стыда заливает ее лицо. – Конечно, он и Бриджит думают, что «нечистокровная сучка», как они любят называть меня, «спарилась с иноземцем», как они называют саксонцев.

– Мы еще «не спарились», – произнес он тихо, глядя на нее.

– Мы еще не поженились, – быстро возразила она, чувствуя, как заколотилось ее сердце.

– Мы не можем оскорбить твоего деда, ягненок, и он не поверит, что меня охватила горячая страсть к тебе, если мы не сделаем того, чего от нас ожидают сегодня ночью. – Он запустил свою большую руку в ее волосы, приподняв голову. – Мне нравится цвет твоих волос и прелестные вьющиеся локоны, Кейлин. У саксонских девушек прямые светлые волосы. Они заплетают их в две косы и часто стригут наголо, когда выходят замуж, чтобы доказать свою покорность мужьям. Я не смог бы сделать такое с твоими душистыми локонами. Хорошо, что по воле судьбы ты британка, а не саксонка, – закончил он, улыбнувшись. Осторожно, но настойчиво он откинул ее голову назад, обнажив шею. Затем, положив ее на спину, покрыл ее юное тело медленными, горячими поцелуями.

Кейлин отчаянно прижала мех к груди. Она не знала, что делать. Она не знала, следует ли что-то делать. Внезапно он пристально посмотрел на нее своими голубыми глазами. Она почувствовала, что не может отвести взгляда. «Снова становится жарко», – подумала она, бессознательно желая сбросить одеяло.

Вульф Айронфист был абсолютно уверен в ответе на вопрос, который задал ей:

– Ты девственница, ягненок?

Конечно, она девственница. Ее лицо выражало смущение, она колебалась между страхом неизвестности и любопытством.

– Да, – промолвила она, понизив голос. – Простите, я не способна доставить вам удовольствие. Я просто не знаю, что делать.

– Мне нравится, что ты девственница, – сказал он нежно, – и я научу тебя всему, что тебе надо знать. – И он на мгновение прижал ее локоны к своим губам.

– Я даже не знаю, как целоваться, – сказала она удрученно.

– Этому искусству легко обучиться, – уверил он ее серьезным тоном, но в его голубых глазах плясали веселые искорки. – Во многом это происходит инстинктивно. Когда я целую тебя, целуй в ответ. Пусть твое сердце подскажет тебе. Позже я посвящу тебя в тонкости. – Наклонив голову, он нежно поцеловал ее, и после секунды сомнений Кейлин вернула поцелуй. – Очень хорошо, – похвалил он. – Давай повторим.

На этот раз его поцелуй был крепче, и она почувствовала, что ее губы слегка погрузились в его. Она чуть не задохнулась, когда самый кончик его языка возбуждающе, едва касаясь, затрепетал у нее во рту. Это ощущение вызвало у нее головокружение. Кейлин обхватила его руками, чтобы удержаться, как если бы она падала.

Он оставил ее губы и зарылся лицом в волосы.

– Ты так приятна на вкус, ягненок, и восхитительно пахнешь. Я никогда не встречал девушку, от которой исходил бы такой нежный аромат, как от тебя. Почему? – Теперь он смотрел ей прямо в глаза, и Кейлин опять покраснела. – Ты всегда будешь краснеть, когда я смотрю на тебя? – спросил он нежно. – Ты так прекрасна!

– Я думаю, ваша похвала чрезмерна, господин, – ответила она и, осознав, что обнимает его, попыталась разжать руки, но он запротестовал:

– Мне нравятся твои объятия, ягненок. Думаю, все твои девичьи страхи напрасны. Ты должна знать, что я мужчина, которому можно доверять. Я не отношусь к тем, кто рассыпает комплименты, как капли дождя. Я хвалю тебя, потому что ты заслуживаешь этого, Кейлин Друзас. Ты красивая. Я никогда не видел такой красивой женщины. Я буду гордиться такой женой, и любой мужчина позавидует мне, увидев тебя, ягненок. Мы с тобой родим красивых,

здоровых детей.

– Как? – откровенно спросила она.

Он по-мальчишески усмехнулся:

– Тебе так хочется знать? Тогда продолжим наши уроки.

Протянув руку, он начал стягивать с нее лисье покрывало. Кейлин тихо вскрикнула, пытаясь остановить его, но напрасно. Однако выражение благоговения на его красивом лице, когда он впервые увидел ее наготу, позволило Кейлин ощутить власть женщины над мужчиной. Сначала он не прикасался к ней. Только его глаза упивались ее гладким, чистым телом; ее маленькими круглыми грудями, грациозным изгибом талии; ее стройными, но достаточно полными бедрами; густыми вьющимися кудряшками на холмике Венеры.

Он улыбнулся и коснулся ее там одним пальцем.

– Эти кудри такие же, как на голове, – сказал он.

Она наблюдала за ним молча, с широко раскрытыми глазами.

Затем он попросил:

– Сними мою половину покрывала, ягненок.

Она стянула мех и затаила дыхание при взгляде на него. Он назвал ее красивой, а сам-то как красив! Его тело было божественным, изумительно пропорциональным. Ничто не удивило ее, кроме придатка между ног. Она с любопытством посмотрела на него, осторожно дотронулась до него пальчиком, как он трогал ее.

– Что это? – спросила она. – Для чего он служит тебе? У меня нет такого.

Вульф Айронфист не верил своим ушам: ее любопытство столь наивно!

– Да, у тебя нет, но у твоих братьев было. Ты никогда не видела у них?

– Что это? – повторила она.

– Это называется мужским членом.

– Значит, у моих братьев тоже было такое. Я никогда не видела. Они много говорили о проблемах Рима сегодня, возникших из-за упадка морали. Они не считали, что мы должны стыдиться нашего тела, но были также убеждены, что не следует непристойно выставлять его напоказ. А что твой член делает?

– Это средство, с помощью которого мое семя перетекает в твое лоно, ягненок. От ласки мой член станет большим и твердым. Я вставлю его в тебя и выпущу свое семя. Это доставит нам обоим удовольствие.

– Куда тыставишь его? Покажи мне, – потребовала она.

Он наклонился и поцеловал ее еще раз. Одновременно он пальцем осторожно раздвинул нежные лепестки ее плоти.

– Туда, – сказал он, отрываясь от ее рта.

– О! – ответила она. Это легкое прикосновение не просто поразило ее. Это было подобно взрыву у нее между ног. Все ее существо ощутило легкие пульсирующие толчки.

– Мы еще дойдем до этого, – сказал он, убирая свой палец. – Я отвечу на все твои вопросы позднее, ягненок, но сейчас лучше помолчать.

– Почему ты называешь меня ягнёнком? – продолжала она возбужденно.

– Потому что ты невинный маленький ягненок с большими фиалковыми глазами и непослушными рыжими кудрями, а я волк, который собирается съесть тебя, – ответил он. Затем его губы крепко прижались к ее губам. Он хотел быть кротким. Он хотел быть терпеливым. Но ее близость возбуждала в нем страстное желание. Он пытался сдерживаться, хотя на самом деле чем дольше он терпел, тем сильнее ему хотелось Кейлин. Ее губы разжались, и он погрузил язык ей в

рот. Она попыталась отстраниться, но он крепко держал ее.

Сначала она старалась уклониться от языка, ищущего ее язык, но он не позволил ей. Она почувствовала вкус медового вина от его дыхания, и это возбудило ее. Постепенно ее язык отыскал его, слился с ним в страстном танце, что доставило обоим удовольствие. Ее руки опять сжали его тело и привлекли к себе, ее молодые груди прижались к его гладкой груди.

Отстранившись, он взял в руки ее лицо и покрыл его поцелуями. Его губы иногда скользили к ее шее и ниже, к ложбинке между грудями. Когда она тихо вскрикнула, он успокоил ее:

– Ничего, ягненок, не бойся.

Она чувствовала, как набухли ее груди. Когда он взял одну из них в руку и начал нежно ласкать ее, она облегченно застонала. Она хотела, чтобы он ласкал ее так. Она хотела, чтобы он не отпускал ее грудь. Ее сердце неистово колотилось, казалось, оно выскочит из груди.

Вульф наклонился и начал целовать ее молодые груди, завладев ими. Его язык осторожно лизал ее соски, сначала один, потом другой, возбуждая ее мягкую плоть крепкими поцелуями, вызывающими острое ощущение. Кейлин громко, прерывисто задышала ему в ухо, когда он наконец сомкнул свои губы на ее соске и начал сосать его.

– Как приятно! – услышал он ее стон, когда передвинулся к другому соску, оказывая ему такое же почтение, как и его собрату.

Кейлин наблюдала полужакрытыми глазами, как он поклонялся ее телу, словно божеству. Она чувствовала слабость в ожидании неизвестного, но в душе стала увереннее, чем раньше. Она вдруг ощутила, что он склонился над ней, лаская и целуя ее тело. И то, что выступало вперед, было... было... его членом! Но он неожиданно стал таким огромным! Невозможно, чтобы он мог войти в ее юное тело. Он разорвет ее пополам!

– Он слишком большой! – воскликнула она с неподдельным страхом, уперевшись ладонями в его грудь и пытаясь оттолкнуть. – Пожалуйста, не надо! Я не хочу делать это сейчас! – Она изогнулась, сопротивляясь ему.

Он застонал. Это был стон отчаяния.

– Позволь мне вставить только кончик в тебя, ягненочек, и ты увидишь, все будет хорошо.

– Только кончик? – спросила она дрожащим голосом.

Он кивнул и осторожно направил член рукой. Она была удивительно влажной от возбуждения, и он легко вошел в нее. Горячая плоть радостно приняла его, плотно сомкнувшись вокруг кончика члена. Вульф хотел бы знать, как долго он сможет сдерживаться. Она просто восхитительна! Какое безумие заставило его затеять такую глупость? Он жаждал погрузиться в нее как можно глубже. Он глубоко вздохнул.

– Ну вот, – прошептал он, – это ведь не так ужасно, не правда ли, ягненочек?

Вторжение было чувствительным. Она отчетливо ощущала член. Его кончик растянул ее, но не причинял боли.

Он нежно поцеловал ее в губы и прошептал, касаясь их:

– Если ты позволишь мне войти чуть дальше, я доставлю тебе величайшее наслаждение.

Поскольку она не ответила, он начал надавливать своим членом вперед, продвигаясь слабыми, частыми толчками и продолжая целовать ее рот, лицо, шею.

Кейлин закрыла глаза и позволила ему делать все, что он хотел. Хотя ощущение было новым для нее, в общем, оно не казалось неприятным. Становилось все теплее, и она очень удивилась, когда обнаружила, что ее тело начало двигаться в такт с его телом и она не могла сдержаться. Действительно, двигаясь с ним, она чувствовала всепоглощающее наслаждение. Как будто сотни бабочек бились внутри ее тела. Кейлин вдруг обхватила руками его лицо и впервые страстно поцеловала.

Он наблюдал за меняющимся выражением ее лица. Так наблюдают за небом, когда ясная погода сменяется бурей.

– Ты начинаешь чувствовать наслаждение, мой ягненочек? – прошептал он ей. – Тебе хорошо? Позволь мне завершить то, что мы начали. Я так хочу обладать тобой до конца!

– Да! – сказала она отчетливо.

Кейлин почувствовала, как он крепко сжал ее и начал проникать глубже все более частыми ударами. Быстрее, быстрее и быстрее, и вот когда под натиском его оружия пала ее девственность, острая, обжигающая боль пронзила ее. Боль охватила все ее тело, когда он до конца вошел в нее с победным криком. Кейлин задохнулась от обжигающего огня, заполнившего ее живот. Ее ногти царапали его напрягшуюся спину. Она закричала бы от этого ужасного ощущения, если бы его губы не закрыли ее рот в тот самый момент, когда он лишил ее девственности.

Он причинил ей боль! Он даже не предупредил об этой пытке! Конечно, нет. Он хорошо понимал, что она не отдалась бы ему добровольно, если бы знала об этой ужасной боли. Она ненавидела его! Она никогда не простит ему. Она... она... она неожиданно осознала новое, восхитительное чувство, охватившее ее. Боль утихла так же быстро, как и появилась. Ничего не осталось, кроме теплого, приятного блаженства. Вульф опять задвигался, и сладостный огонь, разлившийся по ее жилам, был не похож ни на что, когда-либо испытанное прежде.

– О-о-о-о-о! – всхлипнула она. – О! – Внутри росло горячее напряжение. – Что происходит со мной? – отчаянно застонала она, когда почувствовала, что в ее теле что-то начало стремительно нарастать помимо ее воли. Она парила в небесах! Это было восхитительно! Она не хотела, чтобы это кончалось! Вверх... Вверх... Вверх... Она могла продолжать это бесконечно. Внезапно чувство достигло кульминации, взорвавшись тысячью разлетевшихся звезд в ее теле и мозгу. – О-о-о-о-о! – закричала она, охваченная блаженством и разочарованная тем, что ощущение восторга растаяло так же быстро, как и пришло. – Нет! – Кейлин открыла глаза и посмотрела на него. – Еще! – потребовала она.

Вульф Айронфист рассмеялся, но в его голосе не было насмешки. Он смеялся смехом счастливого человека, почувствовавшего облегчение. Он отвел волосы с ее лица и скатился с нее, поцеловав в кончик носа. Потом, оперевшись на спинку кровати, взглянул ей в лицо и сказал:

– Надеюсь, ты получила, как и я, большое удовольствие от нашей любви, ягненок. – И он крепко обнял ее.

Кейлин кивнула, повернув голову, чтобы видеть его. Ее восторг слегка поуменьшился, но она осталась довольна.

– Когда боль прошла, все было прекрасно, – сказала она застенчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Железный кулак.

Купить: <https://telnovel.com/bertris-smoll/snova-lyubit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)